

НОВИНКИ И снова о любви

Многим читателям книги Марии Городовой хорошо знакомы. Ее первая книга «Любовь долго терпит» сделала ее имя популярным. Сегодня Мария Городова - автор пяти книг, известный журналист, ведущая рубрики «Переписка» в одной из центральных газет, в адрес которой приходит огромная почта со всех уголков страны. В этих письмах люди рассказывают истории своих судеб, задают вопросы, делятся своими переживаниями о жизни, вере, любви. На основе этих писем Мария пишет книги, передающие саму душу российского народа, его страдания, привязанности, надежды, опасения и мечты.

И вот издательство «Эксмо» выпустило еще одну книгу Марии Городовой о любви и отношениях в мире - «Кольбель огня». Истории из жизни, собранные в этой книге, потрясают и вдохновляют, возмущают и даже шокируют. Горячо, откровенно, с болью и надеждой о любви. Мужчина и женщина, отношения: власть притяжения и боль противоречий. Эрос, как несокрушимая сила, меняющая жизнь одного человека и даже целых народов.

Те, кто успел прочитать отдельные главы книги «Кольбель огня» (они были опубликованы в газете), считают, что книга не просто соборная. Это сенсация. Так, как Мария Городова рассказывает о любви, еще не писал никто. «Кольбель огня» - это книга-откровение. Главами из книги, как сообщает в пресс-релизе издательство, зачитывались и шестнадцатилетние подростки, и профессора Московского университета, и домохозяйки из всех уголков России, и столбчатые знаменитости. Многомиллионная армия поклонников творчества писателя Марии Городовой с нетерпением ждала выхода новой книги, потому что знает: это книга, которую нельзя пропустить.

В мире, где секс стал идолом, писатель Мария Городова ведет разговор о любви!

Самые счастливые

Написав роман «Лучшее средство от северного ветра и «Все семь волн», австриец Даниэль Платтауэр прочно закрепил за собой статус одного из самых чужденцев писателей современности, способных вычлечь самые запущенные формы душевной хандры. И в своей новой книге «Рождественский пес» (издательство «Эксмо», «Домино») он продолжает уверенно этот статус закреплять. Возможно, в изображении какого-нибудь другого, более циничного автора герои Платтауэра со всеми своими странностями и недомоганиями показались бы хроническими неудачниками, но в его исполнении они - самые счастливые люди на свете, хотя поначалу и не подозревают об этом. Наверное, все дело в системе ценностей, в центре которой, вопреки всякой практичности, Платтауэр упрямо располагает любовь без помпезного подкрепления в виде белых коней, роскошных вилл и лепестков роз в шампанском. Просто любовь.

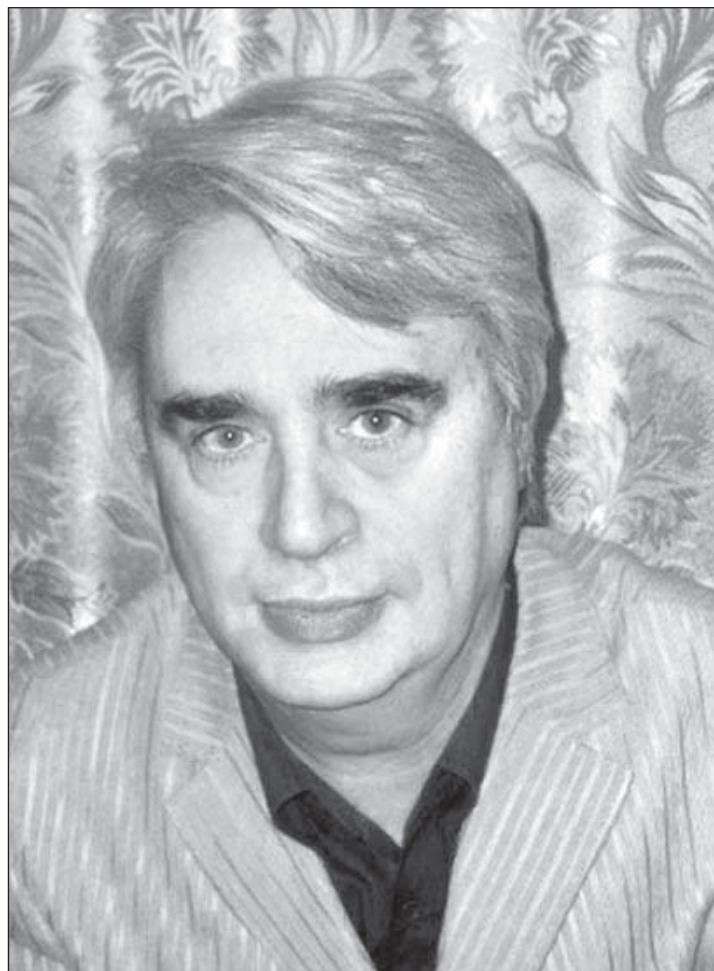
Герои Платтауэра совсем не идеальны, но внутреннего света, чуткости и трогательного простодушия им не занимать. Люди с таким набором качеств в наше время встречаются нечасто, а если уж и встречаются, то располагают к себе бесповоротно и навсегда.

Эта забавная, остроумная, немножко грустная рождественская история рассказана с необыкновенной чуткостью и жизненным опытом человека, который с гордостью несет знамя несправедливого романтика и верит в волшебство, потому что видит его своими собственными глазами.

В. Б.

Сохраняя певучее начало

силуэты

На рубеже XX - XXI веков читательское и литературно-критическое внимание привлёк прозаик Борис Евсеев, начавший писать еще в 1970-х. Однако только в начале 1990-х ему удалось опубликовать небольшую подборку стихов, затем пришел черед прозы. Если в его раннем рассказе «Орфейс» еще заметно стихийное освоение разных литературных традиций (в частности, Л. Андреева и Дж. Апдайка), то в «Николе Мокром» (1992) - рассказе о развращеннейшей на глазах героя охоте на дезертира - и в последующих произведениях Евсеева властно заявляет о себе собственная ориентация на специфику художественного слова. Потому «Никола Мокрый» - не только рассказ о пережитой в далеком детстве трагедии, но только врезавшись в память то ли сон, то ли реальное видение Николая Чудотворца, отказавшего в прощении человеку, который, следуя долгу офицера и гражданина, преступил в мирное время Божью заповедь «Не убий!» Это вместе с тем и повествование о торжестве и изломе народной нравственности, о стойкости и одиночии русского народа, переломе эпохи, переломе эпохи революции, войны, пронесшего сквозь них чувства сострадания и справедливости, неукротимое вольнолюбие и широту души, но так и не сумевшего благоустроить свою жизнь, что подтверждается самим заглавием. Ведь, если вспомнить, что просторечное «Никола» происходит от «Николай», означающего в переводе с греческого «народ-победитель», а «Мокрый» - синоним слова «плачущий», то буквальный смысл названия зазвучит так: «Народ-победитель Плачущий», что, конечно же, не отменяет другой конкретики того же имени, той же сущности: «Плачущий святой чудотворец».

Особенно ярко свойства стиля этого писателя, в ряду которых - парадоксальность образов, гротескность, овеществленность поэтического языка, непривычные сочетания реалистических и модернистских элементов, - проявились в сборнике «Баран» (2001), куда, кроме заглавного «Барана», вошли рассказы «Никола Мокрый», «Узкая лента жизни», «Кутум», «Садись. Пиши. Умири...», «Рот» и повесть «Юрод», ставшие знаковыми в литературном процессе рубежа веков. Идею «Барана» и «Юрода» можно определить как поиск точки опоры в ситуации культурно-исторического разрыва, когда не явный, но уже подспудно свершившийся слом былого уклада - взаимоотношений, верований, традиций - рождает ощущение нового, но еще не взвешенного бытия.

Но если в «Баране» такой поиск можно обозначить как реакцию на еще не завершившееся исследование человеческого в человеке, что отразилось и в спасительном финале рассказа («Баран возвращался потому, что круги и спирали жизни существуют, конечно же, и для баранов»), то в «Юроде» прозаик открывает тему «последних людей последних времен».

Проблеме возрождения России посвящено и одно из самых значительных произведений Евсеева - роман «Отреченные гимны» (2003), обозначающий перелом в творческой судьбе писателя.

Завяжу романа составляет попадание героя, правнука бывшего домовладельца и заводчика, из тихой провинции в кровавый октябрь 1993 г.: перед читателем встают картины осады Белого дома, хаос стрельбы в сцене расстрела мирных жителей, Однако в социологическом пространстве романа влетают философо-фантастические, религиозно-теологические мотивы. Верхним и высшим, по замыслу автора, становится здесь «сказочный» сюжет о мытарствах души, видения которых возникают у «испытанных» и записываются на пленку исследователями в некоей тайной лаборатории, отпочковавшей-

ся от Минобороны и работающей под прикрытием деловой фирмы. Взаимодействие «нижних» (разрыв исторической действительности) и «верхних» (испытания души и достижение желанного очищения, гармонии) планов повествования и создает внутреннее напряжение романа. Сюжеты о мытарствах души, образуя самостоятельную онтологическую линию, восходят к византийскому каноническому тексту «О мытарствах преподобной Феодоры» и представляют ряд картин-испытаний, посвященных преодолению того или иного из человеческих грехов.

Так складается единое повествование о земных и духовных мытарствах России в огне политических распри, восходящее к движущей автором сверхидее - собирания распадающегося мироздания на высшей, не подвластной историческим катаклизмам основе, тающей в себе «словесную мелодию чудных и сберегающих нашу душу и в небе и на земле английских песнопений: сиречь - гимнов».

Ретроспективная повесть Евсеева «Романтик» (2005) имеет подзаголовок: «Некоторые особенности скрипичной техники». Сквозь эту музыкальную призму автор смотрит на 1973 и 2003 гг., обнаруживая явления и события, от скрипичной техники весьма далекие. «Мы заблудились» - таков вывод автора. Он полагает, что именно в 1970-х были созданы предельно сложные поражения и бед, тех «оранжевых» революций, которые обложили Россию по периметру и которые могут перекиннуться на ее территорию. И все же в центре «Романтика» - не политика, а любовь: к ближнему, к родине.

Среди интересных начал этой прозаики в последнее время - эксперименты, направленные на преодоление сдерживающих рамок литературного канона, но и, парадоксальным образом, на развитие перспективных традиций. Так, в рассказе «Живорез» (2006) о мальчике Махно и в цикле «Тайная власть имени» (прежде всего в рассказе «Борислав», 2006) Евсеев делает шаг к расширению границ рассказа, уходя от его обычной эпизодичности, замкнутости в ограниченном числе героев. Новый тип рассказов-новеллы у Евсеева сочетается в себе напряженную событийность западной новеллы с традиционной лиричностью русского рассказа. В «Живорезе» сделана попытка представить сплав романа и рассказа, уже вмещающий в себя не только отдельный эпизод, но - целую жизнь. Сверхзадача здесь - сказать о всеобщем, но на скамьях текстового пространства. По сути это нетрадиционное, казалось бы, начинание - отзвук забытой бунинской традиции: к примеру, в рассказе Бунина «Темные аллеи», вместишем в себя всю жизнь и судьбу

героини, течение времени происходит в крайне ускоренном темпе, в стремительно развешиваемых повествованиях.

Вышедшие в последние годы книги Б. Евсеева - роман о полузабытом русском гении, родоначальнике отечественной классической музыки «Евстигней» (2010) и сборник рассказов о нашей современности «Лавка нищих. Русские капричи» (2009) - получили широкий, порой весьма дискуссионный отклик в прессе.

Диалог с творцами прошлого, чьи высокие образцы сквозь века и эпохи пробуждают надежды и стремления, возвышая и зовя в неведомые дали, - именно эта идея, как и ранее в исторической повести «Ночной смолот», лежит в основе романа «Евстигней» о композиторе XVIII в. Евстигнее Фомине. Вот, к примеру, о рождении русской оперы: «Нужен был новый, доселе не употреблявшийся способ музыкального письма! Что-то неслыханное выступило из шума и мелоса русских слов! В мелосе этом, в серебристо-туманном ручейке полутонных и напевов зарождалась своя собственная - отличная от обыденной, но в чем-то и сходная с ней - жизнь: едва осязаемая, как плазента прозрачная!»

Сквозным, переходящим из произведения в произведение становится в прозе писателя образ «нищей России», страны немых страданий и юродствования во Христе, наглухо запрятывающей себя в недра исторической памяти, а для мира внешнего - беспомощная. «Он говорил, что вся Россия скоро будет страной нищих и бездомных, и я ему верил», - признается повествователь в рассказе, впервые опубликованном еще в начале 2000-х, а теперь давшем название всему сборнику «Лавка нищих» (сюжет рассказа составляет покупку героем в «лавке нищих» своего alter ego, шизика Шармана, постепенно заглаживающего его личность и вытесняющего «нормальное» эго героя). «Мы - ставшие страной больных и нищих» - столь печальная постановка вопроса в сценах распада и усугубления жизненных уродств наталкивается в «Лавке нищих» на сопротивление автора, чья человеческая воля нередко проявляет себя в попытке спасения мира - пусть на малом клочке бесконечных жизненных пространств.

«Если бы это было бредом или фантастикой! Если бы... - в сердцах восклицает герой рассказа о невероятной покупке духовного картлика, претендующего занять его место в жизни - вплоть до полного вытеснения его героя. - Нет, все оказалось реальностью, реальностью скверной и, видимо, необратимой» (рассказ «Лавка нищих»). Оскудение внешнего мира, его выморочность и жестокость, из-за которых воз-

никает «желание забить свои окна и дверь досками, не выходя на улицу» (рассказ «Узкая лента жизни»), пробуждают стремление восполнить образовавшийся вакуум памятью и воображением; вольным полетом бессознательного воссоединить разорванные звенья былого целого - краски, звуки, родство души и природы, дни и годы. Тауда, где сохранилось (не может не сохраниться) то, что поддерживает человека на сухих ветрах повседневности! Так иррациональное, фантастическое становится в евсеевской прозе не только элементом художественного образа, но и инструментом проникновения в суть человеческую, познать которую - значит преодолеть разрыв между людьми, культурами, нациями, эпохами, ибо «дорога у человека - одна, друг - один, жена по-настоящему - одна, один Бог, одно дело и одна дорожка к достойному окончанию жизни».

Узок и очень узок этот путь - остаться человеком в любых обстоятельствах (в рассказе «Узкая лента жизни» он уподоблен пульсирующему сердцу, то сжимающемуся, то разжимающемуся), но другого не бывает: или - или... И тут особое, если не первостепенное, значение обретает вопрос Веры как главной основы самостоятельности человека, его независимости от капризов и превратностей судьбы, исторических изломов и катаклизмов. Неслучайно в «Отреченных гимнах» «испытание испытываемого» сопряжено с христианской идеей очищения души, погружения ее в хаос разъяренной Вселенной. В фокусе авторского внимания - проверка современности «старыми» истинами, вечными ценностями доброты, дружества, нестяжания; гармоничной созидания и творчества - в противовес ужасам войны, разрушения (рассказ «Рот»); культурно-философским канонам и природной первозаданности (рассказ «Сергиев лес»); первоуродной жизненной силой (рассказ «Баран»). Именно по этому в столь очищенном от всего случайного виде предстает образ-символ в прозе Евсеева: в разрыве между духом и плотью, верой и безверием, продолжением жизни и окончанием всех и всяческих ее сроков.

Образ-символ «инструмента жизни» и творчества, «каждого до жизни» рта талантливой певички («Рот»), как и в «Баране», несет в себе взаимоисключающие, противоборствующие значения. Ведь издана «инструментальная» рота, присущи две стороны: созидательная, как в речи, и разрушительная, разрушения (рассказ «Рот»); культурно-философским канонам и природной первозаданности (рассказ «Сергиев лес»); первоуродной жизненной силой (рассказ «Баран»). Именно по этому в столь очищенном от всего случайного виде предстает образ-символ в прозе Евсеева: в разрыве между духом и плотью, верой и безверием, продолжением жизни и окончанием всех и всяческих ее сроков.

Образ-символ «инструмента жизни» и творчества, «каждого до жизни» рта талантливой певички («Рот»), как и в «Баране», несет в себе взаимоисключающие, противоборствующие значения. Ведь издана «инструментальная» рота, присущи две стороны: созидательная, как в речи, и разрушительная, разрушения (рассказ «Рот»); культурно-философским канонам и природной первозаданности (рассказ «Сергиев лес»); первоуродной жизненной силой (рассказ «Баран»). Именно по этому в столь очищенном от всего случайного виде предстает образ-символ в прозе Евсеева: в разрыве между духом и плотью, верой и безверием, продолжением жизни и окончанием всех и всяческих ее сроков.

Образ-символ «инструмента жизни» и творчества, «каждого до жизни» рта талантливой певички («Рот»), как и в «Баране», несет в себе взаимоисключающие, противоборствующие значения. Ведь издана «инструментальная» рота, присущи две стороны: созидательная, как в речи, и разрушительная, разрушения (рассказ «Рот»); культурно-философским канонам и природной первозаданности (рассказ «Сергиев лес»); первоуродной жизненной силой (рассказ «Баран»). Именно по этому в столь очищенном от всего случайного виде предстает образ-символ в прозе Евсеева: в разрыве между духом и плотью, верой и безверием, продолжением жизни и окончанием всех и всяческих ее сроков.

Образ-символ «инструмента жизни» и творчества, «каждого до жизни» рта талантливой певички («Рот»), как и в «Баране», несет в себе взаимоисключающие, противоборствующие значения. Ведь издана «инструментальная» рота, присущи две стороны: созидательная, как в речи, и разрушительная, разрушения (рассказ «Рот»); культурно-философским канонам и природной первозаданности (рассказ «Сергиев лес»); первоуродной жизненной силой (рассказ «Баран»). Именно по этому в столь очищенном от всего случайного виде предстает образ-символ в прозе Евсеева: в разрыве между духом и плотью, верой и безверием, продолжением жизни и окончанием всех и всяческих ее сроков.

Образ-символ «инструмента жизни» и творчества, «каждого до жизни» рта талантливой певички («Рот»), как и в «Баране», несет в себе взаимоисключающие, противоборствующие значения. Ведь издана «инструментальная» рота, присущи две стороны: созидательная, как в речи, и разрушительная, разрушения (рассказ «Рот»); культурно-философским канонам и природной первозаданности (рассказ «Сергиев лес»); первоуродной жизненной силой (рассказ «Баран»). Именно по этому в столь очищенном от всего случайного виде предстает образ-символ в прозе Евсеева: в разрыве между духом и плотью, верой и безверием, продолжением жизни и окончанием всех и всяческих ее сроков.

Алла БОЛЬШАКОВА.

Трудно встретить в нашей стране человека, незнакомого со стихами Евгения Евтушенко. Причем некоторые даже и не подозревают об этом. Ну, кто не слышал песни «Со мною вот что происходит» или «Хотят ли русские войны», «Снег идет», написанные на слова Евтушенко. Автор огромного числа стихов, поэм, переведенных на многие языки мира, лауреат различных премий, обладатель бесчисленного числа наград, казался бы, мог жить спокойно и умиротворенно, почивая на лаврах славы. Но Евгений Александрович не так, он продолжает трудиться, писать стихи, издавать книги. Недавно он представил публике два своих новых издания - «Весь Евтушенко» и «Можно все спасти».

Евгений ЕВТУШЕНКО:

Меня спас Феллини

- Евгений Александрович, я знаю, что сочинять стихи вы начали очень рано.

- Да, очень. Я был ребенком с очень богатым воображением. Когда мама уезжала на фронт, она оставила ключ от шкафа с детскими книгами, а ключ от шкафа со взрослыми взяла с собой. Конечно, я тут же вооружился ножом, открыл шкаф для взрослых и начал запереть читать. Моими любимыми писателями, когда мне было 10 - 11 лет, стали Мопассан, Флобер, Анатоль Франс, а любимой книгой была «Боги жаждут». Я, конечно, мало что в этих книгах понимал, но воображал жизнь и жил в воображении. И тогда я начал придумывать какую-то другую жизнь. Не понимал, как драгоценна моя жизнь, не понимал, что жизнь мальчишки на станции Зима - это тоже крупица настоящей истории. Я принес книгу своих стихов в издательство «Молодая гвардия». Через месяц меня вызвали и спросили: «Мальчик, а почему твой папа не пришел сам, а послал тебя?» Я ответил, что написал это сам. Тогда говоривший со мной поэт и редактор Андрей Досталь обвел всех присутствовавших глазами и сказал, что будет со мной заниматься. Мне было 14 лет, вскоре я начал печататься. Первая книга «Разведчики грядущего» вышла через пять лет. Тогда же я вступил в Союз писателей, рекомендацию мне дали два хороших поэта Кирсанов и Домбровский, но оба мне сказали, что моя первая книжка плохая, выдуманная. И я очень расстроился и попробовал вернуться к своему детству, начал писать о том, каким оно было. И в следующем своей книге «Третий снег», которая вышла через три года, я постепенно вышел на реальную жизнь, на жесткую правду жизни. Я вспоминал, как мы голодали и смеялись, как слушали сводки новостей с фронта, а потом озорничали, как убрали снег и пели. И тогда я написал стихотворение, которое стало для меня определяющим, которое определило весь мой дальнейший путь. Это стихотворение «Свадьба» - война, описанная глазами детей. В нем отражен опыт и моей собственной души, и переживания других людей. И это самое главное. Настоящая поэзия обязана должна быть исповедью самого поэта, но самая высшая ее степень, когда, исповедуясь сам, автор стихов может исповедовать и от лица своих читателей».

Известно, что это стихотворение вы читали Борису Пастернаку. Расскажите о вашей встрече с Борисом Леонидовичем.

- В 1959-м мне позвонили из Союза писателей и попросили сопроводить итальянского профессора Анжело Марию Риппелло на дачу к Пастернаку. Мне это показалось не очень удобным, поскольку с Борисом Леонидовичем я знаком на тот момент не был. Но в Союзе настали, Пастернак принял нас очень тепло и радушно, у нас с ним была долгая беседа, я прочел ему стихотворение «Свадьба», но он его как-то не уловил, ему, видимо, это стихотворение показалось каким-то этнографическим с незнакомым антуражем. Но как человек доброжелательный, он предложил мне прочесть что-нибудь еще. Тогда я прочитал «Пролог», который не нравился даже моим самым близким друзьям. Но Пастернак стих тронул, он подскокал и сказал: «Боже, какая у вас энергия, вас будто останавливать, но вы не свернете». Он предложил мне прочесть еще что-нибудь, но уже не из вежливости, а с неким ожиданием. Я прочел только что написанные стихи про одиночество. Пастернак поцеловал меня, я до сих пор помню аромат этого поцелуя. И сказал мне: «Жена, вот она, вот она, ваша дорога, вам удастся писать о самом себе, но так, что это получается и про всех. Это ваше самое главное качество, которое вы должны в себе развивать. Потому что это стихотворение не только про вас. Это и про меня, и вот про тех людей, кото-

Встреча с автором

ры сейчас бредут за забором моей дачи, и про многих других». И он подписал мне свою книжку, которую я принес с собой. Это надпись я помню до сих пор, потому что эти слова стали для меня напутствием на долгие годы: «Дорогой Женя, Евгений Александрович, сегодня вы читали стихи и тронули меня до слез доказательством своего таланта, пишете так, чтобы все задуманное воплощалось у вас в окончательных и исчерпывающих формах и освободило место для последующих замыслов. Я уверен в вашем будущем. Пишите, растите и развивайтесь, ваш Борис Пастернак».

Если бы у меня дома, не дай бог, случился пожар и мне надо было бы спастись свои вещи, то первым делом я бы бросился спасать эту книжку. Потому что всю жизнь я старался выполнить его завещание, хотя получалось у меня, конечно, далеко не все.

Наверное, это было нелегко. Судьба многих ваших стихов складывалась не всегда просто. Далеко не все не сразу находили дорогу к читателю.

- Например, стихотворение «Наследники Сталина», написанное в 1961 году после выноса тела Сталина из Мавзолея, никто не хотел печатать. Твардовский мне сказал, что «Новый мир» скорее всего закроет, если он напечатает это стих, а начальник Союза писателей РСФСР Соболев устроил истерику, после того как я прочел этот стих на каком-то вечере. Тогда я позвонил редактору, который до этого печатал «Бабий Яр», и тот дал мне телефон либерально настроенного помощника Хрущева - Владимира Лебедева. Когда я позвонил Владимиру Семеновичу, он меня встретил очень тепло, назвал своим любимым поэтом и обещал передать Никите Сергеевичу это стихотворение в подходящий момент. Оказалось, что он знал моего дедушку, которого из лагеря привозили в школу НКВД читать лекции по математике. «Вы не представляете, как мы его любим!», - признался мне Лебедев.

Вскоре мы вместе с Микояном уехали на Кубу. Это было как раз во время Карибского кризиса, американские самолеты летали над нашими головами на бреющем полете. Вечером того же дня Микоян позвонил мне с Фиделом, что было смешно, потому что мы с кубинским лидером уже были хорошо знакомы. И протронул вчерашний номер «Правды», в котором напечатано мое стихотворение «Наследники Сталина». А еще он сказал: сейчас такое положение, что это стихотворение, вышедшее вчера, в следующий раз, может быть, будет напечатано лишь лет через 20. Так и получилось, что его не печатали 23 года.

Как вам кажется, почему именно в 60-е годы появилась такая яркая плеяда поэтов? И почему такая плеяда нет сегодня?

- Дело в том, что все мы - дети войны. Война принесла столько несчастия и крови, которую мы видели глазами детей, но в то же время тогда появилась объединяющая вещь, возможность быть патриотом в борьбе за справедливое дело. И после ареста и уничтожения тысяч безвинных это люди подняло вверх. Чувство того, что мы делаем справедливое дело, меняло людей на глазах, помогало им творить чудеса. Мы не должны это забывать и сегодня, не должны разбегаться, потому что плохих не так уж и много, просто они хорошо организованы, умеют спланировать, а хорошие люди всегда индивидуальны. И пока они спорят друг с другом по мелочам, люди несамозащитные спланируются против большинства. Это не только у нас, но и на всем земном шаре.

У вас вышла книга «Весь Евтушенко», точнее, ее переиздание, но по более демократичным ценам. Это сделано специально или из-за кризиса?

- Предыдущее издание действительно стоило в два раза дороже. Произошло чудо: представьте себе, в Болгарии в зале ожидания одного из аэропортов я заметил человека, который читал вслух мои стихи, причем очень хорошо и точно. Мы познакомились, оказалось, что это один из руководителей Газпрома. У меня немножко пошатнулась классовая ненависть к русскому капитализму, я подумал, что еще не все потеряно, может, и капитализм с человеческим лицом возможен в будущем. Потом мы полетели вместе на самолет, он спросил, как мои дела, и сказал, что нигде не может найти книгу «Весь Евтушенко», которая исчезла очень быстро. Я рассказал, как сильно было ее издать, какой маленький тираж получился. И, представьте себе, он предложил свою помощь. Они напечатали книгу, и у нас появилась возможность продавать ее по такой цене. Эта книга в 2008 году в номинации «Поэзия года» выиграла национальный конкурс. Она начинается с самых ранних моих стихов. Здесь весь перефигурованный Евтушенко, то есть те стихи, под которыми я и сегодня подписываюсь. Это где-то около трети от всего, что написано мною.

Я слышал, что однажды великий режиссер Федерико Феллини спас вам жизнь. Неужели такое было?

- Да, это было. Однажды после просмотра фильма маэстро пригласил меня на свою виллу поужинать. Ужин, между прочим, готовила сама Джульетта Мазина, которая сначала даже высылала все мои пригласительные в еду и напиктас. Напитком было немало, если не сказать много. После выпитого мне стало очень весело, я ощутил прилив сил и полет в ночное море. Феллини пытался отговорить, но азарт взял верх над здравым смыслом. Поплыл. Вода холодная - и у меня вдруг свело ногу. Вот тут-то Феллини и показал свою щедрость: бросился в воду, успев только снять пиджак, и изо всей силы вынул всю пятерню в мою руку. Судорога отпустила, а на ноги потом долго еще красовался «автограф» великого режиссера, который я не без гордости демонстрировал приятелям.

Александр СЛАВУЦКИЙ.

НОВИНКИ ИЗДАТЕЛЬСТВ

«Текст», «Книжки»
Галкин Гильель. Йегуда Галеви. Перевод с английского Е. Левина. Серия «Чейсовская коллекция». 476 с.
Левитес Ирина. Боричев Ток. 10. Повесть. Серия «Проза еврейской жизни». 188 с.
Табак Симмс. У Иосифа было пальтишко... Перевод с английского М. Яснова. Серия «Кешет/Радуга». 40 с., ил.

«Эксмо»
Калинина Наталья. Зеркальный лабиринт. Роман. Серия «Знаки судьбы». 352 с.
Метлицкая Мария. Второе дыхание. Рассказы. Серия «За чужими окнами». 320 с.
Миронова Наталья.

Случай Растинька. Роман. 384 с.
Михайлова Евгения. Танцовщица в лучах смерти. Роман. Серия «Детектив-событие». 352 с.
Полкова Татьяна. Неуголима жажда. Роман. Серия «Авантюрный детектив». 320 с.
Прокопенко Игорь. Пришельцы государственной важности. Военная тайна. 384 с.

Серия «Военная тайна с Игорем Прокопенко». 384 с., ил.
Рой Олег. Паутина лжи. Роман. Серия «Капризы судьбы». Романы О. Роя». 320 с.
Сигов Анатолий. Мой подвальный twitter. Повести. Серия «Кибер-Вор». 352 с.
Соловьев Владимир. Враги России. Серия «Соловьев Владимир. Провокационные книги известного ведущего». 320 с.
Фабер Адель, Мэлизи Элейн. Братья и сестры. Как помочь вашим детям жить дружно. Перевод с английского Т. О. Новиковой. Серия «Психология. Воспитание по Фабер и Мэлизи». 320 с.
«Эксмо», «Домино»
Платтауэр Даниэль. Рождественский пёс. Перевод с немецкого Р. Эйвадаса. 368 с.

Собственность к рукам приборов

общество

В редакцию «Московской правды» практически регулярно поступают письма, коллективный автор которых подписывается конкретно, но безымянно - «авиастроители Москвы».

Вот и сейчас передо мной конверт, и я знаю, что, вскрыв его, увижу, наверное, пару листов, исписанных шариковой ручкой и очень убористым почерком.

Точно, так и есть; и как всегда, от письма чуть ли не физически веет болью, которой ветераны авиапрома хотят поделиться с газетой: «Извечно несогласная трудовая интеллигенция, игнорируя попово-слащавое ТВ и другие послушные властям СМИ, обращается к «Московской правде» как к старому другу и советчику».

Далее следует добротная социальная аналитика, завершающая которую прямые вопросы. Если честно, то признаюсь: я боюсь вопросов авиастроителей. Люди пишут откровенно, и отвечать им надо так же. Но я знаю, что читатели, ждущие от газеты ответов на самые злободневные вопросы нашего современного бытия и желающие коллективу редакции, я уверен, только самого доброго, несколько туманно представляют себе реальные сложности, преодолеть которые журналисты стремятся, не теряя, как говорится, лица, вести с читателями правдивый разговор на страницах издания. Это я не в плане жалобы или вызова у читателя аудитории сочувствия, вовсе нет. Просто любой нормальный газетчик хочет, чтобы его материалы удовлетворяли читателей, и не хочет, чтобы газету, в которой он трудится, власти под любым предлогом закрыли. Сейчас сочтеть эти два желания, по моему мнению, «почему-то» крайне сложно, особенно работникам издания, в соучредителях которого нет даже малосенькой доли государства...

К примеру, анонимные авторы из авиапрома в своем письме озвучили хорошо мне известные позиции по ситуации в экономике России, ненавязчиво подвели меня к мысли о некоторых сопоставлениях дел в РФ и нацистской Германии. Они, видимо, ожидают, что я на страницах «МП» дам уничтожительный анализ, сопоставив материальные потери СССР во время Великой Отечественной войны с потерями РФ в 90-х годах XX века. А я от такого анализа воздержусь,

лионам других жителей России, «тяжко смотреть, как чествуют Михаила Горбачева - инициатора расчленения страны, который имел в руках все инструменты управления, чтобы подавить крамолу и вывести страну на магистральный путь ее развития, заложенный в традиции...»

Но в отличие от многих пассивных созерцателей наступившей социальной беды России автор книги позитивно рассматривает шаги к тому, чтобы «Выйти на путь избавления от олигархии и утверждения справедливой власти, живущей исполнением общественно полезных задач...»

Именно в этом А. Савельев видит свой гражданский и профессиональный долг. В обширном и интересном произведении на трехстах страницах популярно изложены программы и взгляды ельцинистов, ранее малоизвестные широкой читательской аудитории штрихи подготовки к мятежу, даны четкие характеристики таким «столпам реформ», как Чубайс, Гайдар, Березовский. Несомненной заслугой Андрея Савельева является то, что он, оставив за рамками своей книги обязательного толка пересуды, детально проанализировал в ней тончайшие психологические и юридические моменты, которые способствовали приходу к власти в РФ своры махинаторов и профессионалов по расширению бюджетных средств. Он пишет: «...Положение усугублялось тем, что интеллектуалы и юристы стремились к тому, чтобы избежать ответственности за разрушение в России демократии. А смысл этот заключен в том, что аферисты намеревались в сжатые сроки перераспределить собственность и права на приборный продукт. И им это, увы, удалось...»

Как отмечает А. Савельев, «власть была превращена в товар, и те, кто удачно реализовал личный бизнес-план, смогли сновакупить себе власть».

Словом, дорогие наши авиастроители, искренне советуя приобрести книгу «Как убивали СССР». В ней вы найдете ответы на многие свои вопросы.

Олег СУЛТАНОВ, обозреватель «МП».

так как в ином случае придется сделать честный вывод, что наши горе-реформаторы нанесли Отчизне материальный урон, вдвое превышающий тот, который был нанесен советскому народу германским фашизмом.

А потому я предлагаю читателям-авиастроителям вариант несколько для них неожиданный - вести в сегодняшнем номере диалог с газетой через «посредника». В качестве него может выступить книга писателя Андрея Николаевича Савельева «Как убивали СССР» (издательство «Книжный мир»). Официально проведенная экспертиза зафиксировала, что в тексте этого публицистического произведения нет признаков экстремизма, и поэтому буду смело цитировать книгу, обращаясь к исследованию доктора политических наук А. Савельева, чтобы читатели из авиапрома, да и другие друзья нашей газеты, тоже, получили толковые ответы на все свои вопросы, заданные «Московской правде».

Не буду скрывать, каждая книга писателя А. Савельева - для меня праздник. Во-первых, пишет он просто и очень доходчиво, без всяких вычурностей и политических натяжек. Во-вторых, темой его публицистических исследований являются самые животрепещущие вопросы, охватывающие социальные проблемы России конца прошлого и начала нынешнего веков. Вот и в своей новой книге «Как убивали СССР» автор, словно предумотвев суть огромного блока вопросов простых россиян, смело ведет своих читателей по лабиринтам политического предательства самых верхов Советского Союза, предательства, приведшего 20 лет назад к государственному перевороту в нашем государстве. Андреем Савельевым, как и обращающимся в «МП» авианромоцам, мил-

лионам других жителей России, «тяжко смотреть, как чествуют Михаила Горбачева - инициатора расчленения страны, который имел в руках все инструменты управления, чтобы подавить крамолу и вывести страну на магистральный путь ее развития, заложенный в традиции...»

Но в отличие от многих пассивных созерцателей наступившей социальной беды России автор книги позитивно рассматривает шаги к тому, чтобы «Выйти на путь избавления от олигархии и утверждения справедливой власти, живущей исполнением общественно полезных задач...»

Именно в этом А. Савельев видит свой гражданский и профессиональный долг. В обширном и интересном произведении на трехстах страницах популярно изложены программы и взгляды ельцинистов, ранее малоизвестные широкой читательской аудитории штрихи подготовки к мятежу, даны четкие характеристики таким «столпам реформ», как Чубайс, Гайдар, Березовский. Несомненной заслугой Андрея Савельева является то, что он, оставив за рамками своей книги обязательного толка пересуды, детально проанализировал в ней тончайшие психологические и юридические моменты, которые способствовали приходу к власти в РФ своры махинаторов и профессионалов по расширению бюджетных средств. Он пишет: «...Положение усугублялось тем, что интеллектуалы и юристы стремились к тому, чтобы избежать ответственности за разрушение в России демократии. А смысл этот заключен в том, что аферисты намеревались в сжатые сроки перераспределить собственность и права на приборный продукт. И им это, увы, удалось...»

Как отмечает А. Савельев, «власть была превращена в товар, и те, кто удачно реализовал личный бизнес-план, смогли сновакупить себе власть».

Словом, дорогие наши авиастроители, искренне советуя приобрести книгу «Как убивали СССР». В ней вы найдете ответы на многие свои вопросы.

Олег СУЛТАНОВ, обозреватель «МП».

Михаил КЛИМОВ:

Книга может быть дороже «Мерседеса»

Книжная жизнь - это не только бестселлеры, яркие презентации и модные новинки. Не менее интересен мир антикварной, букинистической книги. Здесь царят свои особые законы. Думаю, многие читатели не раз обращали внимание на людей, стоящих у входа в большие книжные магазины, в которых есть букинистические отделы, и спрашивающих, не несет ли вы чего-нибудь сдавать. Это так называемые перекупщики, которые промышляют тем, что скупают у доверчивых граждан книги, а потом сами перепродают их товароведам. Перекупщики - низший уровень рынка антикварной литературы, в котором есть и свои бароны, и авторитеты, и даже звезды. Один из самых уважаемых игроков на московском рынке антикварной литературы - Михаил Климов, который работает товароведем (то есть оценщиком и приемщиком) в одном из центральных книжных магазинов, а в свободное от работы время пишет книги. Очень многое о московском рынке антикварной литературы можно узнать из его книги «Записки антикварного дилера».

- Михаил, сколько лет вы занимаетесь антикварной литературой?

- Больше 35 лет. В молодости мне хотелось читать книги по философии, которые были тогда большим дефицитом. Ни Платона, ни книг по восточной философии в продаже не было. Требовались деньги, чтобы покупать эти книги с рук. И чтобы заработать, пришлось торговать другими книгами. Довольно быстро все издание при советской власти я прочитал, а дореволюционные книги стоили совсем других денег, и мне пришлось заниматься этим бизнесом дальше.

- То есть вы стояли перед магазином, перекупали книги...
- Нет, на перекупку я никогда не стоял. Точнее, это было только однажды, когда я поспорил со знакомыми, что буду покупать не то, что несут в магазин, а то, что несут из магазина, поскольку товароведа не взял. Я пытался доказать, что в нашем бизнесе можно существовать не за счет перекупки книг у товароведа, а за счет того, что ты знаешь книги лучше них. И таким образом в течение недели заработал рублей пятсот (по тем временам это были неплохие деньги).

- Как антикварные книги на сегодняшний день пользуются наибольшим спросом?

- В своей книге «Записки антикварного дилера» я придумал такую градацию. Основная масса букинистических книг сегодня покупается на подарки. Это самая распространенная ситуация, когда человек приходит в магазин и говорит, что завтра едет в Казахстан и ему нужно подарить что-нибудь по Казахстану какому-нибудь чиновнику или партнеру по бизнесу. Такую покупателю все равно, что дарить, главное - уложиться в сумму, которую он готов потратить, и чтобы книжка красиво выглядела, несла аромат старины и так далее. Второй класс - это люди, которые украшают собственные дома, этот уровень покупатель немного выше, потому что книги они оставляют себе и хоть изредка в них заглядывают. То, что они покупают, на нашем сленге называется толстыми одами. Такой покупатель говорит: у меня есть шкаф шесть полок по полтора метра, и их нужно заставить книгами по русской истории, классике и так далее. Тех, кто украшает свою жизнь и быт, становится гораздо меньше в силу того, что богатых людей появляется немного, а основная масса свой быт уюта украшает, и в основном, это коллекционеры. Старые коллекционеры, которые собирали еще при большевиках, они либо уходят из жизни, либо не в состоянии покупать книги, которые их интересуют. Но с этими коллекционерами можно меняться, в их богатых собраниях может оказаться то, что нужно мне, и так далее. А новые коллекционеры довольно специфические. В своей книге я написал, что живется сегодня собирают по книге «Родная речь» для четвертого класса. Если есть художник в этой книге, значит, нужен. Так же собирают книги и многие современные коллекционеры. Допустим, некто говорит, что хочет купить подборку по русской классике. Я предлагаю: Пушкин, Лермонтов, Лесков... И тут человек

ошарашивает меня вопросом: а Лесков - кто это?

- Через вас постоянно проходит множество книг. Какие издания за последнее время прозвезли на вас наибольшее впечатление?

- Удивить меня довольно трудно, все-таки я занимаюсь этим бизнесом довольно давно. Но иногда и такое возможно. Назову вам одну книгу. Великий русский врач Николай Иванович Пирогов, кроме всех прочих своих открытий, первым придумал использовать при переломах гипсовые шины, до него сломанную руку или ногу просто обвязывали. Незадолго до начала Крымской войны он оказался в мастерской у своего приятеля-скульптора и увидел, как тот что-то делает из гипса. Ему пришла идея использовать гипс при переломах, Пирогов попробовал, результаты оказались превосходными, и тогда он обратился в государственную комиссию с предложением об этом опыте всем сообщать, и была издана книга по наложению повязок.

- В этой книге довольно забавная история. Некий купец по фамилии Звенигородский, разбогатевший в конце XIX века, пожелал войти в историю. Начал собирать византийские эмали и решил окончательно себя увековечить, издав книгу по своей коллекции. Он потратил на это издание почти все свое состояние, притом что ни один из шефистов экземпляров не продал. Книга была издана равными частями на французском, немецком, английском языках, и все экземпляры он разослал в соответствующие дома того времени, одарил российских сановников и так далее. Довольно долго это издание считалось самой дорогой российской книгой. Первый экземпляр, который появился в конце XIX века в продаже, я еще раз повторю, что сам Звенигородский не продал ни одной книги - стоил 1000 рублей, по тем временам это была невероятная сумма. Парадоксом здесь два. Есть такое мнение, что эмали, которые к нему попали, были в основном фальшивые, впрочем, я не берусь утверждать, что это так. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

- Сколько же она сейчас стоит?

- Многие зависят от языка и степени сложности экземпляра. Например, книга, которой располагаем мы, оценивается в сто с лишним тысяч долларов.

- На антикварном рынке совершаются не только операции купли-продажи, но и поиска книги. Любую ли книгу можно найти? Вот, например, если мне нужно прижизненное издание «Евгения Онегина».

- Все зависит от вашего бюджета. Евгений Онегин при жизни Пушкина издавался два с половиной раза. Первое издание осуществлялось по главам, по мере того, как Пушкин писал, они и печатались. И комплект первого издания Евгения Онегина в хорошем состоянии сегодня найти почти невозможно. Я очень давно его не видел и думаю, что в хорошем состоянии полное собрание глав стоит несколько сотен тысяч долларов. Отдельной книгой «Евгений Онегин» вышел

и так далее. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

- Сколько же она сейчас стоит?

- Многие зависят от языка и степени сложности экземпляра. Например, книга, которой располагаем мы, оценивается в сто с лишним тысяч долларов.

- На антикварном рынке совершаются не только операции купли-продажи, но и поиска книги. Любую ли книгу можно найти? Вот, например, если мне нужно прижизненное издание «Евгения Онегина».

- Все зависит от вашего бюджета. Евгений Онегин при жизни Пушкина издавался два с половиной раза. Первое издание осуществлялось по главам, по мере того, как Пушкин писал, они и печатались. И комплект первого издания Евгения Онегина в хорошем состоянии сегодня найти почти невозможно. Я очень давно его не видел и думаю, что в хорошем состоянии полное собрание глав стоит несколько сотен тысяч долларов. Отдельной книгой «Евгений Онегин» вышел

и так далее. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

- Сколько же она сейчас стоит?

- Многие зависят от языка и степени сложности экземпляра. Например, книга, которой располагаем мы, оценивается в сто с лишним тысяч долларов.

- На антикварном рынке совершаются не только операции купли-продажи, но и поиска книги. Любую ли книгу можно найти? Вот, например, если мне нужно прижизненное издание «Евгения Онегина».

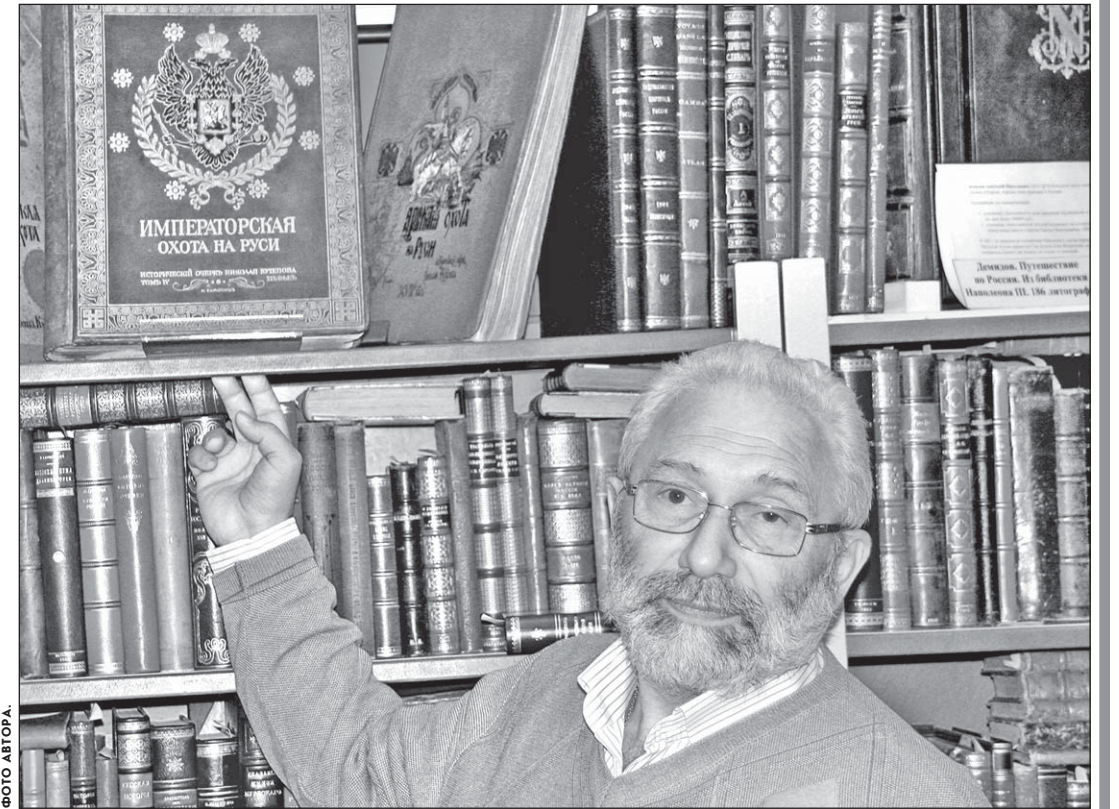

ФОТО А. КОЛОДЫ

хочет. У нас нет культуры собирания научных книг. Я не знаю ни одного человека в России, который бы собирал такие книги, в то время как в Америке это одно из главных направлений.

- Одна из самых дорогих ваших книг носит довольно странное, на мой взгляд, название «Византийские эмали». Что это за книга и почему она стоит так дорого?

- У этой книги довольно забавная история. Некий купец по фамилии Звенигородский, разбогатевший в конце XIX века, пожелал войти в историю. Начал собирать византийские эмали и решил окончательно себя увековечить, издав книгу по своей коллекции. Он потратил на это издание почти все свое состояние, притом что ни один из шефистов экземпляров не продал. Книга была издана равными частями на французском, немецком, английском языках, и все экземпляры он разослал в соответствующие дома того времени, одарил российских сановников и так далее. Довольно долго это издание считалось самой дорогой российской книгой. Первый экземпляр, который появился в конце XIX века в продаже, я еще раз повторю, что сам Звенигородский не продал ни одной книги - стоил 1000 рублей, по тем временам это была невероятная сумма. Парадоксом здесь два. Есть такое мнение, что эмали, которые к нему попали, были в основном фальшивые, впрочем, я не берусь утверждать, что это так. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

- Сколько же она сейчас стоит?

- Многие зависят от языка и степени сложности экземпляра. Например, книга, которой располагаем мы, оценивается в сто с лишним тысяч долларов.

- На антикварном рынке совершаются не только операции купли-продажи, но и поиска книги. Любую ли книгу можно найти? Вот, например, если мне нужно прижизненное издание «Евгения Онегина».

- Все зависит от вашего бюджета. Евгений Онегин при жизни Пушкина издавался два с половиной раза. Первое издание осуществлялось по главам, по мере того, как Пушкин писал, они и печатались. И комплект первого издания Евгения Онегина в хорошем состоянии сегодня найти почти невозможно. Я очень давно его не видел и думаю, что в хорошем состоянии полное собрание глав стоит несколько сотен тысяч долларов. Отдельной книгой «Евгений Онегин» вышел

и так далее. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

- Сколько же она сейчас стоит?

- Многие зависят от языка и степени сложности экземпляра. Например, книга, которой располагаем мы, оценивается в сто с лишним тысяч долларов.

- На антикварном рынке совершаются не только операции купли-продажи, но и поиска книги. Любую ли книгу можно найти? Вот, например, если мне нужно прижизненное издание «Евгения Онегина».

- Все зависит от вашего бюджета. Евгений Онегин при жизни Пушкина издавался два с половиной раза. Первое издание осуществлялось по главам, по мере того, как Пушкин писал, они и печатались. И комплект первого издания Евгения Онегина в хорошем состоянии сегодня найти почти невозможно. Я очень давно его не видел и думаю, что в хорошем состоянии полное собрание глав стоит несколько сотен тысяч долларов. Отдельной книгой «Евгений Онегин» вышел

и так далее. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

- Сколько же она сейчас стоит?

- Многие зависят от языка и степени сложности экземпляра. Например, книга, которой располагаем мы, оценивается в сто с лишним тысяч долларов.

- На антикварном рынке совершаются не только операции купли-продажи, но и поиска книги. Любую ли книгу можно найти? Вот, например, если мне нужно прижизненное издание «Евгения Онегина».

- Все зависит от вашего бюджета. Евгений Онегин при жизни Пушкина издавался два с половиной раза. Первое издание осуществлялось по главам, по мере того, как Пушкин писал, они и печатались. И комплект первого издания Евгения Онегина в хорошем состоянии сегодня найти почти невозможно. Я очень давно его не видел и думаю, что в хорошем состоянии полное собрание глав стоит несколько сотен тысяч долларов. Отдельной книгой «Евгений Онегин» вышел

и так далее. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

- Сколько же она сейчас стоит?

- Многие зависят от языка и степени сложности экземпляра. Например, книга, которой располагаем мы, оценивается в сто с лишним тысяч долларов.

- На антикварном рынке совершаются не только операции купли-продажи, но и поиска книги. Любую ли книгу можно найти? Вот, например, если мне нужно прижизненное издание «Евгения Онегина».

- Все зависит от вашего бюджета. Евгений Онегин при жизни Пушкина издавался два с половиной раза. Первое издание осуществлялось по главам, по мере того, как Пушкин писал, они и печатались. И комплект первого издания Евгения Онегина в хорошем состоянии сегодня найти почти невозможно. Я очень давно его не видел и думаю, что в хорошем состоянии полное собрание глав стоит несколько сотен тысяч долларов. Отдельной книгой «Евгений Онегин» вышел

и так далее. Второе, эта книга считается шедевром русской полиграфии - красивый форзац, шикарный переплет, суперобложка из парчи с золотой закладкой и так далее. Так вот, этот шедевр русской полиграфии был изготовлен во Франкфурте-на-Майне, поэтому, с моей точки зрения, эта книга представляет собой курьез, но тем не менее...

Названы новые лауреаты

премии

лучшие высшие оценки экспертов, составили «короткий список» претендентов на звание лауреата Бунинской премии. Из «короткого списка» жюри выбрало победителей конкурса.

В этом году отбор был очень строгим. Как сказал на церемонии вручения председатель жюри Святослав Близяк, «планку Бунинской премии решили не снижать». Поэтому лауреатов по итогам конкурсного отбора в этом году оказалось всего двое.

Борис Евсеев получил Бунинскую премию в номинации «Художественная проза» сразу за две книги: роман «Евстигней» и книгу рассказов «Лавка нищих». Русские капрички» (обе книги вышли в издательстве «Время» в 2009 и 2010 годах).

Владимир Личутин - получил Большую Бунинскую премию в номинации «Художественная проза» - за роман «Река любви» (издательство ИТРК, 2010).

Почетительский совет также назвал лауреатов Бунинской премии за особые заслуги перед русской словесностью. Им стали: Валерий Ганичев, Даниил Гранин и Владимир Луков.

Лауреаты Бунинской премии получили медаль с изображением И. А. Бунина и удостоверение к ней, лауреатский диплом и денежное вознаграждение.

Кроме лауреатских наград, по решению жюри вручены три диплома Бунинской премии участникам конкурса: Анастасия Ермакова («За лиризм в художественной прозе»); Владимир Сотников («За философские элементы художественных образов»); Наталия Нарышкина-Прокудникова-Горской («За верность традициям русской словесности в жанре семейной хроники»).

В. Б.

получившие высшие оценки экспертов, составили «короткий список» претендентов на звание лауреата Бунинской премии. Из «короткого списка» жюри выбрало победителей конкурса.

В этом году отбор был очень строгим. Как сказал на церемонии вручения председатель жюри Святослав Близяк, «планку Бунинской премии решили не снижать». Поэтому лауреатов по итогам конкурсного отбора в этом году оказалось всего двое.

Борис Евсеев получил Бунинскую премию в номинации «Художественная проза» сразу за две книги: роман «Евстигней» и книгу рассказов «Лавка нищих». Русские капрички» (обе книги вышли в издательстве «Время» в 2009 и 2010 годах).

Владимир Личутин - получил Большую Бунинскую премию в номинации «Художественная проза» - за роман «Река любви» (издательство ИТРК, 2010).

Почетительский совет также назвал лауреатов Бунинской премии за особые заслуги перед русской словесностью. Им стали: Валерий Ганичев, Даниил Гранин и Владимир Луков.

Лауреаты Бунинской премии получили медаль с изображением И. А. Бунина и удостоверение к ней, лауреатский диплом и денежное вознаграждение.

Кроме лауреатских наград, по решению жюри вручены три диплома Бунинской премии участникам конкурса: Анастасия Ермакова («За лиризм в художественной прозе»); Владимир Сотников («За философские элементы художественных образов»); Наталия Нарышкина-Прокудникова-Горской («За верность традициям русской словесности в жанре семейной хроники»).

В. Б.

экономика

Когда торжествует высокомерие

Мода существует на все. Ныне немодным, даже постыдным считается неумение разбираться в экономике. Даже человек весьма далекий как от макроэкономики, так и от микроэкономики, смиренно признающий, что он «ни черта в этом не понимает», уже через минуту готов дать собственный или скопированный из многих мнений рецепт преодоления мирового кризиса, банковских проблем, возрождения промышленности или сельского хозяйства. Так это обычный обыватель? Что уж говорить о многочисленном племени экономистов, политологов, советников на все случаи жизни! Только дай им порулить - вмиг «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 7 ноября 2011 года, 4-я стр.

наступит благоденствие. Увы, именно торжествующим высокомерием, банальным невежеством объясняются кризисы самых разных уровней как в наши дни, так и в далеком прошлом. Об этом свидетельствует книга «На этот раз все будет иначе» (издательство «Карьера Пресс»). Ее авторы Кармен Рейнхарт и Кеннет Рогофф дали ей такой подзаголовок: восемь столетий финансового безразудства. Оптимисты считают, что именно кризисы двигают историю вперед. А уж экономические кризисы, по мнению многих, являются чуть ли не основным стимулом к резким переменам в экономической науке, появ-

лениям новых теорий, хотя, как правило, с очевидностью демонстрируют изыдны предыдущих знаний и объяснений. Впрочем, от науки во все времена ждали некоего чуда. И экономическая не избегает этой участи. От нее ожидают если не предпринятия кризиса, то хотя бы сигнала о его приближении. Однако всегда она оказывается бессильной, что, естественно, вызывает ропот: мол, все эти экономисты от науки «уходят нашего брата». И ведь особенно не возмущись. Все это применимо и к недавнему кризису. Кто-то упрекает исследователей за то, что, мол, за последние полвека почти тотальная математизация стран-

ном образом обошла исследование кризисов, что, полагают другие, и неудивительно, ибо в рамках неоклассической экономической теории для описания кризисов в принципе не может быть инструментов, поскольку в ее основе лежит представление об общем равновесии, а кризис - процесс неравновесия. Кроме, что там ни говори, а нынешний экономический кризис выявил, как пишет Михаил Хазин в предисловии к книге, несостоятельность не какого-то отдельного направления мысли, а всей экономической науки в целом. Поэтому книга К. Рейнхарт и К. Рогоффа содержит уникальный, нигде ранее не

агентств, а резкое усиление роста цен на залоговые активы, то есть реальной цены на недвижимость и реальных курсов акций и резкий приток внешнего капитала. Правда, автор предисловия полагает, что этот перечень нужно расширить за счет фьючерсов на нефть и на основные металлы. История свидетельствует: многие страны с удивительной частотой и закономерностью проваливались в бездну краха, брали в долг, потом восстанавливали свою экономику. Через эти «пожары» приходилось проходить многим - и богатым, и бедным. В книге исследованы курсы валют, гиперинфляция, правительственные дефолты по

пишут авторы, на этот раз все будет иначе. Александр ЕГОРУНИН.

Шахматный код Аркадия Арканова

встреча с автором

Жанр своей новой книги «Вперед, в прошлое» писатель-сатирик Аркадий Арканов обозначил как «откровения». Это доверительный рассказ о собственной жизни, о личных встречах и бытовых, нередко нелепых, реалиях.

- Но, - комментирует автор, - я не раскрываю в книге свою личную жизнь, ведь на то она и личная, что предназначена только для меня одного. Подсматривать в замочную скважину неприлично, и никто не должен этого делать, приговаривая, что читать чужие письма нехорошо, но очень интересно. Я никогда сам не вмешиваюсь в чужую жизнь и никогда не навязываю свои жизненные принципы.

Новая книга автобиографическая, но это не мемуарная литература. Она написана в силу того, что автор приобрел в тесном общении с людьми разного уровня, с которыми посчастливилось ему общаться и дружить.

- Кроме того, мемуары часто вызывают сомнения, - говорит Арканов. - Конечно, если человек в течение всей жизни ежедневно фиксирует события прошедшего дня и потом все это публикует, то сохраняется хоть какая-то документальность. И, наверное, это будет кому-то интересно. Кому-то, но не всем. Поэтому моя книга - некий анализ прожитого, подобно анализу только что сыгранной двумя гротескными партиями с целью убедиться в правильности того или иного сделанного хода либо не повторить совершенную ошибку в следующей. Да и вообще, к мемуарам и запискам у меня мистическое отношение. Кажется, что если ты составил заветание, то очень скоро все это должно осуществиться. А не хотелось бы... То же и с мемуарами.

Автор, по его словам, пострадался выстроить книгу безупречно

логично, как шахматную партию. В ней есть дебют, миттельшпиль и даже эндшпиль. Но многообразие и непредсказуемость жизненных ситуаций невозможно передать четким строением шахматных фигур и самых гениальных ходов.

- Я играл шахматную партию, - добавляет Аркадий Арканов. - К сожалению, в желании обрести светлое будущее мы часто опять возвращаемся в темное прошлое, которое на деле оказывается светлее того самого светлого будущего. С момента, когда я «подсел» на шахматы, мне стало казаться, что в шахматах закодирована наша жизнь. Проиграть или выиграть ту или иную партию можно в дебюте, можно в миттельшпиле, а можно и в глубоком эндшпиле, доводя соперника до сдачи или до мата. И в жизни, как и в шахматах, можно попасть в цейтнот и не заметить, как флажок на ваших часах упадет, и судья засчитает вам поражение, даже если позиция ваша на этот момент будет предпочтительней. Я считаю, что моя жизнь перешла в эндшпиль с того момента, когда та самая «галочка», много лет кружившая надо мной, улетела, не зарав мого лысину изрядной порцией помета. В 1989 году, когда я стал «вездным» и в моей жизни многое изменилось.

Когда приходит осознание того, что человек готов писать автобиографию?

- Писать - это вообще право каждого гражданина, - улыбается Арканов. - Другое дело, у кого-то это дело получается, а у кого-то не совсем. Когда я пишу книгу

или новеллу, то ни в коем случае не ставлю задачу научить людей чему-то. Считаю, что не имею права такого. Когда я работал в журнале «Юность», то его главный редактор Борис Полевой говорил, что не любит две профессии: учителя и полицейского. Вернее, поучать и наказывать. И вот для меня это не мое. Я могу высказать свою точку зрения, свое отношение к тому или иному событию. И только. Я не люблю коллективный труд, так как он обезличивает человека. А больше всего люблю заниматься делами, которыми ранее не занимался.

Несмотря на внешнюю флегматичность, Арканов признается, что он весьма человек азартный.

- В наше время слово «азарт» стало отрицательным, - говорит

И снова Достоевский! Он - истинный писатель всех времен и народов. Родился 30 октября (11 ноября) 1821 года. В эти дни вновь разгораются споры и дискуссии о русском гении. Впрочем, яростные сшибки мнений не утихали никогда. Достоевский - это проклятые вопросы бытия и мучительный поиск ответов на них.

О Достоевском спорят и пишут без конца. Вот и я в очередной раз пытаюсь прикоснуться к феномену Достоевского. Но сразу оговорюсь, что я, увы, не Людмила Сараскина и не Игорь Волгин, посвятившие Достоевскому многие годы жизни. Как призналась Людмила Ивановна: «На него жизни не жалко - такая там концентрация энергии, такая интенсивность бытия. Испытываешь будто наркотический подъем...» Я не достоевист. Но меня тоже волнуют и будоражат судьба Достоевского и его мысли. Как известно, Достоевский и его книга, как огня. Достаточно вспомнить скандальное высказывание Анатолия Чубайса о том, что он «физически ненавидит Достоевского» и у него есть «желание разорвать его на куски». Лично у меня другое желание: проникнуть в тайны судьбы и книг Достоевского, чтобы понять, кто мы, откуда пришли и почему именно так, какие есть. Как отмахивал Альбер Камю, «все герои Достоевского вопрошают о смысле жизни».

году? И, если уж все говорить, почему вы так наверно убеждены, что не идти против настоящих, нормальных выгод, гарантированных доводами разума и арифметикой, действительно для человека всегда выгодно и есть закон всего человечества? Ведь это покамест еще только одно ваше предположение. Положим, что это закон логики, но может быть, вовсе не человечества?..»

А как вы относитесь к мысли Достоевского из «Дневника писателя», что «война окунает в живой источник... Война очеловечивает, а мир ожесточает людей»? И, действительно, во время Отечественной войны люди были человечнее, теплее, благороднее, чем в наше сытое газово-нефтяное время, где многие смотрят друг на друга волком и готовы загрызть из-за социального неравенства. И опять же можно вспомнить фразу Версильева: «Подрастают: «По-моему, человек создан с физической невозможностью любить своего ближнего». Это, конечно, провокация со стороны писателя, и таких провокационных утверждений в книгах Достоевского предостаточно.

Кстати, тот же Версильев говорит такие удивительные слова: «Скрепляющая идея совсем пропала. Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России...» Это написано Достоевским в 1875 году, то есть 136 лет назад, а как звучит сегодня! Да, Достоевский - самый злободневный писатель. Каждое его слово, каждая его мысль - выстрел в десятку.

было поставлено «Преступление и наказание» со звездами того времени: Павел Орленев (Раскольников), Лидия Ворская (Соня), Казимир Бравич (Свидригайлов) и др. Затем Александринский театр рискнул поставить «Идиота» и не прогадал. И снова звездный состав: Роман Аполлонский (князь Мышкин), Мария Савина (Настасья Филипповна), Мамонт Дальский (Рогожин), Вера Комиссаржевская (Аглая) и др. Эстафету Достоевского после Петербурга подхватила Москва - Малый театр, театр Корша, Незлобина, и тут лучший актерский цвет: Ермолова, Яблочкина, Неллидов...

И, наконец, апофеоз: «Братья Карамазовы» в Художественном театре. Инсценировка романа была сделана Немировичем-Данченко. Премьера состоялась 12 октября 1910 года. Состав исполнителей блистательный: Лужский (Федор Карамазов), Леонидов (Митя), Качалов (Иван), Готцев (Алеша), Воронов (Смердяков), Газская (Катерина Ивановна), Германова (Грушенька), Москвин (Снегирев) и т. д. Играл все на пределе человеческих сил. Именно в таком напряженном ключе спустя годы при экранизации «Братья Карамазовы» заставлял играть актеры режиссер Иван Пырьев, и Митю Карамазова Михаил Ульянов делал таким бешеным, что пена шла изо рта. Позднее, глядя на другие экранизации, Ульянов говорил, что «играть Достоевского вполне можно, вполне можно, вполне можно. Нужны какие-то вздрючки... Класическое исполнение - Леонидов в

судьбы

Человек есть тайна

Мир Достоевского

«Романы Достоевского - это бурлящие водовороты, самуры, которые с шумом и свистом всасывают в себя. Они состоят целиком и полностью из душевной материи. Против воли нас захлестывает, вращает, мы слепнем, захлебываемся, - и в то же время испытываем головокружительный восторг», - так считала известная писательница Вирджиния Вулф. Но это уже в XX веке. А современники писателя в XIX веке критиковали Достоевского за то, что его герои - куклы, манекены, сконструированные человеком с сумасшедшими желаниями и идеями. Так, Салтыков-Щедрин отмечал, что герои Достоевского «какие-то загадочные и словно во сне мечущиеся марионетки, сделанные руками, дрожащими от гнева».

XX век продемонстрировал, что персонажи Достоевского - это живые существа, реально действующие и творящие зло и насилие на земле. К примеру, Шигалев в «Бесах» мечтал «пустить судорогу, чтобы люди поехали друг друга». И разве Гитлер, Сталин, Пол Пот и другие диктаторы и злодеи не пустили большую кровь и не утопили в ней миллионы людей?

Любопытно, что в советское время (достаточно посмотреть энциклопедический словарь 1953 года) Достоевского упрекали, что он в своих произведениях «проповедует мистические идеи, философскую смиренность и покорность, исключая борьбу с социальным злом». То есть в основе «светлого будущего» - большая кровь, шигалевщина.

Бесы-верхоуевские - это укоренившиеся и прижившиеся типы на русской почве. Но посмотрим во круг. А сколько живет свидригайловых, совсем не стыдящихся своих пороков и даже упивающих ими! А пьяных рогожиных, которые режут, давят и издеваются над своими близкими и дальними, чужими! А сколько развелось в наши дни униженных и оскорбленных рабочих, крестьян, военнослужащих, пенсионеров! А никому не нужные и брошенные на произвол судьбы дети! А «мертвые дома» - тюрьмы, лагеря и деградационные деревни! А торжествующие ныне ганы иволгины, криминальным путем добившиеся таких богатств, что и не снилось Ротшильду! Этих восхитительных «а!» видимо-невидимо. Весь современный мир насыщен героями Достоевского. Только вот князей Мышкиных и других праведников что-то совсем не видно. Поковырели, очевидно, как мамонты. Одно утешение, как сказал Достоевский: «В несчастии явствен истинна». Это уж точно, в XXI веке никаких иллюзий. Оставь надежду всяк живущий!

Сегодня Достоевский в большой моде. Если кто-то не читал его книг, то непременно смотрел фильмы, или сериалы по произведениям писателя, или кинороманы о его жизни. А сколько людей, козыряющих фразами из Федора Михайловича: «Мир спасет красота», «Слезинка ребенка», «Свету провалиться, или мне чаю не пить?..» А интеллигенция в эпоху виртуальной демократии любит порассуждать по Достоевскому: «Тварь я дрожащая или право имею...» Но при этом все дрожат и прав никаких не имеют.

Цитировать Достоевского - это все равно что подходить к огнелюбивому вулкану: огнем опалит или пеплом засыплет. Я частенько открываю «Записки из подполья» и перечитываю в который раз: «Господа, меня мучат вопросы; разрешите их мне. Вот вы, например, человека от старых привычек хотите отучить и волю его исправить, сообщите мне, как это сделать, сообщите мне, как это сделать, сообщите мне, как это сделать...» А интеллигенция в эпоху виртуальной демократии любит порассуждать по Достоевскому так: «Тварь я дрожащая или право имею...» Но при этом все дрожат и прав никаких не имеют.

Валерий ЯРКО.

Подлинные секреты мебельных гарнитуров

В КНИГЕ И В ЖИЗНИ

Свой первый роман «Двенадцать стульев» литературные сотрудники редакции газеты «Гудок» Ильф и Петров писали прямо на рабочем месте, оставаясь вечерами в редакции. Большинство героев романа появились из писем читателей «Гудка», новостных сводок, поступающих в редакцию, и фельетонов, опубликованных в газете. Многие из окружавших авторов в момент написания попали в роман, в том числе и скорбный листок газетных ляпов, красовавшийся в редакции газеты «Станок», был перенесен в роман из реальности: на стене редакционной комнаты «Гудка», в которой работали Ильф и Евгений Петров, была вывешена доска, называвшаяся «Сопли и вопли».

К этой доске безжалостно пришивались статьи и заметки, содержавшие пошлые банальности, штампы, неграмотные выражения и прочие ошибки «советских виртуозов пера». Фрагмент такого творчества попал и в их роман «Двенадцать стульев» под видом описания литературного халтурщика Никифора Лягиса-Трубченко, который при описании морской бури выразил так: «Волны перекатывались через мол и падали вниз стремительным дождем». Материалы, попавшие на доску «Сопли и вопли», становились предметами редакционных шуточек, а их авторы - посмешищем коллектива, но, как это часто бывает с теми, кто «ищет соринки в чужом глазу», знаменитые сатирики не заметили, как в их собственный роман «Двенадцать стульев», коварной змеюшкой вползла и притаилась громадная ошибка. Пропущенный ими ляп - пара фраз, которые начисто убивают возможность сюжетного развития одного из направлений произведения, сделавшего его авторов знаменитостями.

Суть дела в следующем: в первой части романа владелец нелегального архива конфискованных после революции чужих имуществ Варфоломеем Коробейников, более известный

еще двумя днями ранее батюшка уже купил один воробьянский стул, украденный из старгородской богателки Пашей Эмилевичем, - тот самый стул, который они вместе с Ипполитом Матвеевичем разломали во время отчаянной схватки на пустыре! Стало быть, «все 12 в одном месте» стулья из гарнитура, в котором были запрятаны бриллианты мадам Петуховой, быть уже никак не могли. Кому, как не о. Федору, так сказать из первых рук, был известен тот факт, что стульев осталось одиннадцать! Но даже если с большой-пребольшой натяжкой допустить, что в состоянии ального умопомрачения и азарта погони за сокровищами ринулся бы батюшка по следам Брунса, то, увидав стулья на батушской даче инженера, разве он не понял бы, что это совсем не те стулья? Настоящий-то предмет он видел сам, а мастерские Гамбса типовых гарнитуров не выпускали... Впрочем, в Советской России о самом Гамбсе и правилах его мастерской помнили считанные единицы специалистов, а само повествование, пересыпанное перлами остроумия, многие из которых, уйдя в народ, превратились в афоризмы и поговорки, так увлекло, что на этот сюжет никто не обращал внимания.

Сами идея со стульями в качестве хранилища сокровищ, рассказ о них умирающей мадам Петуховой и последующая охота за кладом - согласно версии Ильфа и Петрова - были им подсказаны Валентином Катаевым, который покровительствовал своим землякам-одеситам, делавшим в литературном мире Москвы первые шаги. Случилось это во время какой-то вечерней редакционной посиделки, когда маститый фельетонист «Гудка» Валентин Катаев шуточно предложил «подающим большие надежды» Ильфу и Петрову стать его «литературными неграми» и разработать для него старый сюжет о спрятанных деньгах, которые надо найти. Канву он сформулировал всего в нескольких словах:

- Стулья, в которых спрятаны деньги. Большие деньги. Их ищут несколько конкурентов.

Замысел этот родился совсем не на пустом месте - всякий, кому доводилось листать доореволюционную русскую прессу, в произведениях Катаева, Ильфа и Петрова находит много знакомых случаев, происшествий и персонажей, использованных ими в сочинениях советской поры. Судя по всему, эти описания в годы детства и юности были заглядными читателями московских и петербургских газет, журналов «Нива», «Родина», «Всемирная иллюстрация» и «Вокруг света». В частности, история со стульями, в которой упрятали деньги, в 1910 году была яркой газетной сенсацией, завязка которой произошла при обстоятельствах трагических.

Большой суммы денег богатый петербургский купец Мальшев хватился после смерти жены, распластавшей своим отдельным капиталом. Разбираться с финансовыми документами, господин Мальшев выяснил, что у жены должны были быть наличные деньги на крупную сумму в 10 тысяч рублей, но не нашел их! Перерыв сначала весь дом и убедившись, что денег нигде нет, двоец обратился в полицию, высказав подозрение в отношении прислуги: перед тем как мадам Мальшеву отправили в

больницу, она отдала доверенной горничной все ключи. Однако допрос и тщательный обыск в комнате горничной ни к чему, кроме обиды преданной служанки, не привели. И все-таки у сыщиков не было сомнения в том, что денежки украл кто-то из домашних, а потому за слугами и родственниками Мальшева было установлено негласное наблюдение.

Через несколько дней стало известно о подозрительном поведении племянника покойной Мальшевой, Федора Андрианова - присланный в столицу к богатой родне из Тверской губернии, он служил у своего дядюшки и жил в его доме. Сыщикам показалось подозрительным то, что после смерти любимой тетеньки молодой человек стал много тратить денег. Расточительный племянник покойной призвали к допросу, и в полиции на него так поднаехали, что он не выдержал и во всем признался.

Оказалось, что буквально за несколько часов до кончины тети Федора навещил ее в больнице, и чувствующая приближение кончины мадам Мальшева открыла племяннику тайну, рассказав, что свои деньги обратила в процентные бумаги, которые спрятали под обшивкой мягкого кресла, стоявшего у них дома в гостиной. Утаив от своего благодетеля-дядюшки эти сведения, Федя поведал о своем последнем разговоре с тетей ее сестрам: собственной матери Зиновии и другой тетке, Евдокия - обе они приехали из Тверской губернии, когда узнали, что их сестра тяжело заболела. На следующую ночь после похорон, дождавшись, пока все остальные обитатели дома заснут, Федя, Зиновия и Евдокия пробрались в хозяйскую гостиную и осмотрели кресла, стоявшие в ней. Под обшивкой одного из них они нащупали бумаги и, осторожно подпорвав ткань обивки, выгнали находку. Потом женщины быстро и аккуратно зашили разрез, так, что ничего не было заметно, и со своей добычей они так же тихонечко удалились в свою комнату. Так у них в руках оказались процентные бумаги на пять тысяч рублей, из которых Федя выдал триста рублей, а ему треть, а остальные матушка и тетя Евдокия забрали себе. На другой день обе сестры уехали домой, а Федор так и остался в Питере.

После этих признаний семейку Андриановых и их родственницу арестовали и изыскали из них ценные бумаги, которые вернули законному наследнику. Господин же Мальшев методично осматривал всю мебель в доме, и в одном из мягких стульев, стоявшем в спальне, нашел еще один тайничок, в котором также оказались процентные бумаги на пять тысяч рублей.

Взявшись за разработку предложенной Катаевым сюжетной завязки романа, загоревшись литературным азартом молодые авторы почили за благо перенести действие той «старорежимной» истории в реалии Советской России. Для этого им пришлось столь основательно переорать сюжет, что от былых событий в доме Мальшевых в их романе остались только стулья и умирающая пожилая женщина, которая рассказывает о клade. Когда Ильф и Петров ознакомили Катаева с первыми главами рукописи, тот отрезал от своего авторства, сказав, что это вещь совершенно самостоятельная и ему остается только пожелать ей успеха.

Вся история, рассказанная в романе, происходит в Москве. В то время в Москве не было еще ни одного частного дома, в котором бы не было ни одного стула. В то время в Москве не было еще ни одного частного дома, в котором бы не было ни одного стула. В то время в Москве не было еще ни одного частного дома, в котором бы не было ни одного стула.

Достоевский и театр

О Достоевском можно писать много и по-разному, в разном ракурсе, в разных преломлениях и в разных параллелях: Достоевский и Пушкин, Достоевский и Гоголь, Достоевский и Ницше, Достоевский и Маркс и так далее. Упростили для читателей тему и возьмем простую: Достоевский и театр (хотя, конечно, она не простая, но вполне доступная для рядового читателя).

Достоевский с детства лет любил театр. В 1879 году в письме к актеру Самойлову писал: «Вашим гениальным талантом вы, конечно и, наверное, немало имели влияния на мою душу и ум».

Интересно, что сам Федор Михайлович в числе других известных писателей вышел на сцену в спектакле «Ревизор» (спектакль был дан в пользу Литературного фонда) в роли почтмейстера Шлекина. По гололю почтмейстер - «простоудный до наивности человек» и на все домысли, что едет к ним в губернию какой-то чиновник из Петербурга и чтобы это значило, отвечал: «А что думаю? Война с турками будет». Достоевский играл почтмейстера Ивана Кузьмина с огромным удовольствием: «Смерть люблю узнать, что есть нового на свете... Иное письмо с наслаждением прочтешь - так пишется разные пассажи... Лучше чем в «Московских ведомостях!».

Ах, эти любовные пассажи и сколько их встречается в произведениях Достоевского. В юности он пробовал писать для сцены, но сделанные им наброски пьес «Мария Стюарт», «Борис Годунов», «Янко-жид» не сохранились. «Село Степанчиков» Федор Михайлович начал писать как комедию, но затем оставил эту затею, хотя поначалу и говорил, что «в форме комедии... она удавалась», но, несмотря на это, вернулся к своей излюбленной романтической форме. Немирович-Данченко считал, что Достоевский «всегда писал как романтик, но чувствовал как драматург».

При жизни писателя на любительской сцене ставились инсценировки по таким произведениям, как «Дядюшкин сон», «Преступление и наказание» и «Бесы». После смерти Достоевского этот список пополнился другими романами и повестями. На профессиональной сцене Достоевского начали ставить с 1899 года. В петербургском театре литературно-художественного общества

МХТ, в 1910 году. Обуленные глаза его Митя Карамазова, с их нечеловеческим страданием, потрясали даже на фотографии. Говорят, он так играл, что замирал театр, мороз по коже шел. Без страсти, бормоча под нос, нелзя Достоевского играть».

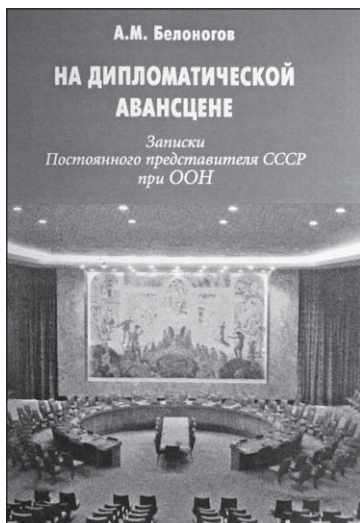
«Братья Карамазовы» в Художественном театре возобновили в 1960 году, разумеется, при другом актерском составе. Выделялись яркой игрой среди них Марк Прудкин (Федор Карамазов) и Борис Ливанов (Митя). Ну, а если вспомнить старейшего Художественный при Старицком и Немировиче, то старинный спектакль по Достоевскому стал в революционные годы «Николай Старицин» по роману «Бесы». Старицина играл Василий Качалов, Петра Воробьевского - Берсенева, Лизу - Коренева, Лебядкину - Лилина. «Старицин» тогда имел эффект взорвавшейся бомбы. Разгорелась ожесточенная полемика по поводу наивности человека» и дважды Максим Горький выступил со статьями «О карамазовщине» и «Еще раз о карамазовщине». «Бесы» Максим Горький приписал к реакционным произведениям. Его Сатин провозгласил: «Человек - это звучит гордо!» А тут под ногами какие-то бесы копошатся, - не хочи их видеть и знать!»

Тут следует сказать, что Максим Горький откровенно не любил Достоевского. В статье «Литература» (1930) заявил, что Достоевский - это «ядовитый талант» и что «он действует разрушительно на душевное равновесие европейского мещанина», ну и, соответственно, на советских людей. Горький не любил, а театры полюбило Достоевского пламенно (еще бы: какие страсти! какая драма идея!), и Федор Михайлович стал одним из самых репертуарных авторов на советской сцене. Достоевского ставили по всей стране и по всему миру, все перечислить невозможно. Вспомнается постановка «Идиота» БДТ с молодой Дорониной в роли Настасьи Филипповны, «Петербургские сновидения» («Преступление и наказание») в Театре им. Моссювета с молодым Георгием Тараторкиным (Раскольников), в Петербурге в Малом драматическом театре - «Бесы». Как писал один рецензент о постановке «Бесов» Льва Додина: «Люди с короткими мыслями пытаются устроить мир на свой лад, - и оттого убивают множество, и их, кажется, перестают ощущать...»

Окончание на 4-й стр.

В парадном зале и за кулисами

перезитое

А. М. Белогонов - автор объемистого, без малого в 500 страниц тома «**На дипломатической авансцене. Записки Постоянного представителя СССР при ООН**» (издательство «МГИМО - Университет») - отдал дипломатической службе более 40 лет, пройдя путь от референта до заместителя министра иностранных дел. Среди вех его дипломатической карьеры - работа послом СССР в Египте, Постоянным представителем СССР при ООН и Представителем СССР в Совете Безопасности ООН, послом России в Канаде.

При чтении этой книги вспоминаются куплеты полувекковой давности из репертуара известного эстраднака-острослова Ильи Набатова: «Вечерний звон, вечерний звон, /Как много дум наводит ООН!»

Наводит-то наводит, но вспомните честно, что вы знаете про эту организацию? Несколько анекдотов: о Хрущеве, стучавшем ботинком о трибуну, о том, что за несгибаемостью позиций А. А. Громыко звали в ООН «Мистер НЬЕТ». Печать наша год за годом лепила образ ООН как бессильной, полностью продавшейся империалистам организации, которые блокировали любое прогрессивное предложение СССР...

Книга А. М. Белогонова с первых же строк развеивает эти закорючие представления. ООН - это замечательное достижение послевоенной мировой политики, детище высоких международных стандартов в области прав и свобод человека. «С момента своего основания в 1945 году, - пишет автор в предисловии, - Организация Объединенных Наций прошла довольно-таки сложный путь, на котором было немало ухабов и разочарований. Но даже в самые трудные времена «холодной войны» она играла полезную, сдерживающую роль. Не будь ООН, кто знает, как бы развилось события в ходе по крайней мере ряда серьезных кризисов, через которые удалось пройти без военных потрясений». Книга эта - своего рода путеводитель по лабиринтам ООН. «Это не только мемуары, - замечает автор. - Я счел уместным рассказывать по ходу дела, как работает механизм ООН, прежде всего как действующий такие ее главные органы, как Генеральная Ассамблея и Совет Безопасности. Это позволит читателю получить более полное представление об ООН и ее штаб-квартире, перелистать некоторые страницы истории, причем в один из ее переломных моментов, когда в советскую внешнюю политику закладывались элементы, позволившие потом Москве при распаде СССР осуществить сравнительно легкий и органичный переход внешней политики СССР во внешнюю политику России».

Достаточно перечислить названия глав и подглавок: «Совет Безопасности в парадном зале и за кулисами», «Роль председателя Совета Безопасности», «Что и как происходит на Ассамблее» и т. д.

Ценность книги в том, что автор, что называется, из первых рук рассказывает о деятельности ООН и Совета Безопасности в период с 1986 по 1990 год, когда делались первые шаги по выводу ООН из той полупуларной, в которой ее ввергла конфронтация между Востоком и Западом. И следует подробный рассказ о «делах давно минувших дней», когда благодаря совместным усилиям стран - членов ООН, удалось

более или менее успешно разрядить «горячие точки» планеты. Тут Ангола, Мозамбик и независимые Намбия, война Ирака и Ирана, трагедия Кампучии, Кипр, Никарагуа, арабо-израильское противостояние. Не скрываясь и осечки: вторжение американской военизированной Панамы, тутое противостояние США Советскому Союзу в Афганистане, когда наши войска уходили оттуда и выдвигались вполне реальные предложения по заморению страны. «Если бы американцы тогда к нам прислушались, пересмыслили ситуацию в Афганистане с учетом далеко идущей готовности Наджибулло к справедливому разделу власти в стране и одернули свою клиентуру вместо того, чтобы... подстегивать антикабульский горячий бред фундаменталистов, многое могло бы сложиться совсем по-другому. И власти талибов в Афганистане могло бы не быть, и баши-близнецки продолжали бы стоять в Нью-Йорке».

Книга написана хорошим языком, умно и главное - доброжелательно. По своему рангу автор встречался со многими крупными политическими деятелями, нашими и зарубежными, и дает их словесные портреты с неизменным уважением и симпатией, даже политических противников, с которыми, впрочем, так или иначе он умел находить компромиссы. В конце книги автор с высоты своего огромного дипломатического опыта дает советы современному дипломату, продолжающему его дело в ООН в новых, не всегда благоприятных для нашей страны условиях. Кому нужно - пусть прочтет и сделает выводы.

Очень трогательны и познавательны воспоминания о Нью-Йорке, его улицах, парках, музеях, концертных залах, о встречах с интересными людьми. О том, как вопреки идеологическим установкам тех лет удалось установить контакты с опальным художником Михаилом Шемякиным (ставшим поэдой другом автора) и вернуть на родину его доброе имя и творчество. Но особенно удивителен рассказ о том, как по приглашению настоятеля собора Св. Иоанна А. М. Белогонов, советский дипломат, выступил на новогоднем богослужении 31 декабря 1988 года и в кафедре собора познакомился с участниками хора и всем людом планеты мира и благополучия...

Книга хорошо иллюстрирована. Тираж ее невелик, всего тысяча экземпляров. Но может быть, кто-то возьмется ее переиздать: она того стоит. Презентация ее состоялась в Информационном центре ООН в Москве в присутствии уважаемых седины ветеранов дипломатической службы и получила единодушный благожелательный их отклик.

Олег ТОРЧИНСКИЙ.

Начало на 1-й стр.
Убийство, вписанное в жизнь, - таков предвечный зрительский образ... Это было написано в начале 1992 года. Прошло почти 10 лет, и это изменилось? Криминализация общества лишь усилилась...

Но лучше говорить о музыке. Сергей Прокофьев написал в 1916 году лирико-драматическую оперу «Игрок». В 1929 году ее поставили в Брюсселе в театре «Де ла Монне» и в концертном исполнении в 1964 году в Москве, в Доме союзов. Не так давно, в 2007 году, появились и опера «Преступление и наказание». Музыку написал Эдуард Артемьев, стихи - Юрий Рышенцев. В опере Порфирий Петрович поет, обращаясь к Раскольникову:
*Каравай, каравай,
кого хочешь выбирать!
Каравай, каравай,
кого хочешь убивать!*
А?

Я на такую оперу никогда не пойду, и пусть прости меня Рышенцев.

Еще одна новация: балет «Братья Карамазовы», поставленный Борисом Эйфманом. По слухам, показанный в Германии, в Эссене, он провалился. Лично я не понимаю, как можно переложить язык Достоевского на балетный язык. К примеру, Алеша рассказывает Ивану о том, как он Грушеньку «вовсе не любит» и далее сетует: «А мучила-то она меня как! Воистину у надравья сидел...» И вместо этих горячечных слов поворот, прыжок, батман, вращение, арабеск?... Нет, балет это не для Достоевского, другое дело кино! Тут крупные планы, лицо, расширенные зрачки, горячая сбивчивая речь... и мурашки по спине.

Экранизации Достоевского

«Добродетель нефотогенична», - говорил американский актер Керк Дуглас. А вот у Достоевского как раз добродетельных лиц не так уж много, все больше недобродетельных, агрессивных и злых. И это поэтому Достоевский создан для кино, да и сюжеты у него развиваются лихорадочно и динамично, сплошной «эшки». Но, как известно, поначалу кинематограф был нем. А Достоевский без слов и мимологии при помощи только жестов и мимики - это нонсенс. И все же на первых порах герои писателя были немые. А потом пришел звук, и он не всех обрадовал.

Первые экранизации Достоевского были осуществлены в США и Германии. В «Преступлении и наказании» блистнул знаменитый Юл Бриннер. Потом подключилась и Франция: все то же «Преступление» с Жаном Габеном и Мариной Влади, 1958 год (французская русалка в роли Сонечки Мармеладовой?). В Италии маститый Висконти поставил фильм «Белые ночи». Еще одно американское «Преступление и наказание» с Патриком Демпси и Жюли Дельпи, ну, и т. д. Но вернемся к России.

Первую попытку экранизировать Достоевского предпринял еще до революции Ханжонков. В советское время первым фильмом по Достоевскому стала «Тюрьма народов» (1932). Название «Мертвый дом» отбросили и посчитали, что «Тюрьма народов» лучше, звучит пропагандистски выгодно: царское время - это гибель народов, а советское - расцвет и счастье. Образ писателя, затравленного царскими сагапами, сыграл актер Художественного театра Николай Хмелев.

Затем советский кинематограф на долгое время отвернулся от «реакционного» и «архиваришского», по выражению Ленина, Достоевского и только в отпелле о нем вспомнили. В 1958 году на экраны страны вышла первая часть романа «Идиот» под названием «Настасья Филипповна». В главных ролях - Юрий Яковлев и Юлия Борисова. Советские зрители пребывали в шоке: главный герой не трагикост, не лещик, но шахтер, а князь да еще

какой-то не в себе. Яковлев сыграл замечательно, и пошел слухок, что после съемок он сошел с ума. Это потому, что актер Мышкина сыграл глубоко и страстно.

Естественно, что зрители захотели продолжения картины, но прошел год, два, три и больше, а продолжения нет и нет. Все строго спрашивают с режиссера Ивана Пырьева: ну когда же? А он на встрече с зрителем разводит руками и отвечает: «А что делать? Один актер спился, другой умер...» Правда, фамилий никаких не называл.

Вместо ожидаемого продолжения «Идиота» Пырьев выпустил на экраны «Белые ночи» в 1960 году и неожиданно снял в ленте в роли Нечто Незвановой трехкурсницу ВГИКа с чуть вздернутым носиком и прозрачным личиком - Людмилу Марченко. Киномир взорвался: и это при живой жене Марине Лядиной, героине всех предыдущих

Человек есть тайна

картин Пырьева. Что это за прищип, что за каприз! Но это был не каприз, это была любовь старшей актрисы - отнюдь никакая не сенсация, скорее часто встречающаяся банальность. Затем новая любовь: Лионелла Скирда, которую он начал снимать в трехсерийном фильме «Братья Карамазовы». Если кто забыл актеров, то напомним: Михаил Ульянов (Митя Карамазов), Кирилл Лавров (Иван), Андрей Мягков (Алеша), Лионелла Скирда-Пырьева (Грушенька), Валентин Никулин (Смердяков). Особенно страстно, на какой-то звенящей ноте сыграл Ульянов. «Мой Дмитрий - человек необузданных страстей, но в то же время сохранявший чистоту своей души, глубину чувств, внутренне незащищенный», - говорил актер о своем герое.

Режиссер со всей своей страстностью и выстраданностью (не случайно, Пырьев умер во время съемок и картину завершили Ульянов и Лавров) заставил актерский ансамбль звучать во всю мощь, воплощая завет Леонида Леонидовича: «Нельзя в Достоевском работать над ролью. Он тебя захватывает целиком, железными тисками, и не выпускает...»

Через 40 лет, в 2009-м, вышли на экран новеллы «Братья Карамазовы». Режиссер Юрий Мороз по-своему прочитал и понял Достоевского. Пригласил молодых актеров: Сергея Горобченко (Митя), Анатолия Белого (Иван), Александра Голубева (Алеша), Елену Лядову (Грушенька) и другие молодые дарования. И получилось своеобразное сочетание двух актерских школ - старой и новой. И что? По мнению потомка писателя Дмитрия Достоевского, из «Братьев Карамазовых» сделали мелодраму, к тому же осовременили и упростили язык. Актеры, живущие в совершенно новых реалиях, не в состоянии были донести до зрителя метания и борения духа со страниц великого романа. Исполнитель роли Алеша - Александр Голубев признался: «Алеша Карамазов честно исполняет первую заповедь Христа: «Возлюби ближнего своего». Это очень трудно, потому что есть сосед, который тебе не нравится, или есть поворот, на котором твой автомобиль кувыркается 6 раз...» Вот-вот! Актер из автомобиля с мобильным телефоном не умеет, на мой взгляд, вжиться в мир интонаций, живущего в аскезе.

«Не могу делать высококоллебо кино», - говорил режиссер Мороз, он его и не сделал. Внешние детали былого времени были соблюдены: съемки в настоящей дворянской усадьбе, точные костюмы, корсе-

ты, турнюры. Только вот внутренний мир героев Достоевского был чересчур современный. Как кто-то заметил, сериал по Достоевскому - 8 раз по 50 минут - промелькнул в формате «реклама пройдет быстро». Сериал и проскочил без огненных гроз и сверкающей молнии, и главное - без битвы дьявольской и божественных стихий. Пристойно и аккуратно.

Но вернемся в хронологический ряд. В 1966 году вышел «Дядюшкин сон» режиссера Воинова, но особо не впечатлил, ну а лента Льва Кулиджанова «Преступление и наказание» (1969) получила похвалы, и прежде всего ролью Раскольников, которого сыграл 24-летний Георгий Тараторкин, и, конечно, потряс Иннокентий Смоктуновский своим филлиграным образом следователя Порфирия Петровича. Какое изумство, какие нюансы и детали!..

1970-е годы - брежневский застой, и ни одной экранизации Достоевского. Одни споры, как ставить классику (был выпущен даже дискуссионный сборник «Книга спорит с фильмом»), что надо вложить на экран «дух» или «букву»? Читаем (перечитываем) или пересматриваем (перепробуем) классику - об этом жарко спорили.

В 1980 году вышел фильм «26 дней из жизни Достоевского» с Анатолием Солоницыным в главной роли. Нервный, импульсивный Солоницын, на мой взгляд, был близок к образу писателя. Дальше появилась новая версия «Дядюшкин сон» и телесериал «Подоросток» (1983) Евгения Ташкова, и - это было интересно, ибо «Подоросток» - один из менее читаемых романов Достоевского. А он так и сверкает кромальными мыслями о власти и народе. К примеру, Подоросток, придя в кружок социалистов, задает вопрос:

«Чем прельстят вы меня, чтоб я шел за вами? Скажите, чем докажете мне, что у вас будет лучше? Куда вы денете протес моего личности в вашей казарме?.. за маленькую часть среднейной выгоды, которую мне обеспечит ваша разумность, за кусок и тепло, вы берете взамен всего мое личности...»

Время гарантированного «куса и тепла» закончилось в горбачевскую перестройку. Цензура пала. Все растабурировали. Делай, что хочешь, снимай, что хочешь. Достоевский? Нет проблем! И фильмы по произведениям классика пошли кioskом: «Село Степанчиково», «Мальчики», «Вечный муж», «Белые ночи», «Кроткая» и, наконец, «Бесы» Игоря Таланкина (1992). В 90-е годы уже не стоял вопрос, «очернять» или «не очернять» страну и народ: уже не было строгих экспертов по идеологии и пламенные специалисты по патриотизму. Но вот что интересно. Оказалось, что под прессом и гнетом цензуры создавать произведения (или конспектировать произведения) было легче, чем в атмосфере свободы и вседозволенности. Художественный талант хорош лишь при разрыве. А в свободном полете получается одно кувыряние. И никакие экзистенциальные бездны, а без этих бездн нет никакого Достоевского. Одна слезливость и краснота. Так, в финале фильма «Кроткая» вместо самоубийства зритель видит всего лишь белый летящий шарфик. Эффектно. Но это не Достоевский. Он заглядывал в человеческую душу, а не махал платочком... По линии упрощения и укрощения Достоевского пошел и режиссер Андрей Эпштейн в «Униженных и оскорбленных» (1990),

да к тому же в ленте на переднем плане красовался Никита Михалков (князь Валковский) со своими выигранными штатками из прежних киоработ.

В 2003 году прошумел и взбаламутил зрителей 10-серийный фильм Владимира Бортко «Идиот». Зашкаленный рейтинг. Но при этом критика разбилась на два лагеря: одни пребывали в восторге, а другие - в злобе. Но тех и других Достоевский заставил корчиться от боли, сострадания, гнева и возмущения (громадный разбор эмоций!). Сбылись все предвидения Достоевского: расцвет зла, бесовщина, количество униженных и оскорбленных, духовное подполье и т. д. Как отметила Сараскина, роман «Идиот» стал бестселлером спустя 135 лет. И его замечательно перенес на экран Владимир Бортко, «современный человек, выросший в субкультуре «бандитского Петербур-

га», показавший, что старый роман адекватен сегодняшней жизни: тот же трагизм и кошмар, все бездны разом. На выбор. «И не нужно отрезать Настасья Филипповну ногу и кушать ее за обедом...» То есть не надо никаких киноэффектов.

Под микроскоп попала актриса Лилия Вележева: ну как же она, роковая Настасья Филипповна или не роковая? Подверглась сомнению подлинность Аглаи в исполнении Ольги Будиной. И лишь главный герой князь Мышкин был воспринят без сомнения: это князь-идеалист из-под пера Достоевского, «это мощное духовное поле». В адрес Евгения Миронова стали приходить письма читателей писем. Одно из них особенно следует выделить - от школьницы: «Я не люблю Тургенев, но Ваш князь Мышкин мне понравился...» Тургенев, Достоевский и неважно, главное - актер очень симпатичный. Но я был бы несправедлив, если бы не отметил в серии Бортко еще двух исполнителей - Владимира Машкова (Рогожин) и Инну Чурикову (Епанчина).

Если суммировать все вместе, то Владимир Бортко поднял планку в киноверсиях произведений Достоевского достаточно высоко, а вот другой режиссер, Дмитрий Светозаров, на мой взгляд, ее понизил. Недаром кто-то его сериал переименовал в «Преступление без наказания». Фильм вышел в 2006 году, и снова пошли параллели с картиной Пырьева из 1969 года, и опять не в пользу новой версии. Актерский состав тумо пырьевско по мастерству исполнения явно проиграл.

О накале страстей и говорить не приходится. Показательный примерчик: старуху-процентщицу Владимир Кошевой, то бишь Раснульков, не смог зарубить сразу, топор отскакивал несколько раз от резиновой головы, не желая в нее вонзиться. Актер оказался явно не из эпохи Достоевского и не сумел проникнуть в мир персонажа Достоевского. Он оказался сыном своего криминально-мафиозного времени, и не случайно его шутка, что, мол, пора открывать дело «Раскольников и сыновья» с рекламой «Избавляем от старухек. Недорого». Современное мышление: не драма, обычный проходной момент: замочил кого-то и спокойно пошел дальше. И никакие мук совести.

Серьезную попытку прочтения Достоевского сделал Евгений Ташков, он писал сценарий 20 лет, писал не по заказу, а по велению души, и, естественно, никто не дал ему денег - снимали на средства семьи. Роль Достоевского вполне достойно сыграл сын режиссера Андрей

Ташков. Те, кто видел фильм, утверждали, что он смотрелся на одном дыхании. Но не стал форматом для нашего телевидения. Ему явно не хватило посповости - блеска, фальши и пустоты!..

Именно этими качествами блистнул сериал Владимира Хотиненко «Достоевский» (2011). Только испещренный, свеженький для тех, кто мало знаком с классиком, да и вообще с классической русской литературой, и несколько дурно пахнущий. Хотиненко пошел на поводу среднего зрителя, пощекотал ему нервы и сделал «красиво». Даже сценарист Володарский оказался недоволен режиссером, ибо его больше интересовали влюбленности Достоевского, личная жизнь писателя, чье его идеи». Хотиненко, на мой взгляд, сознательно пошел на это и вписал свой сериал в наше вульгарное и пошлое время, с болезненным интересом заглянуть в чужие постели и потрести чужое белье. И прекрасно получилось! «Пипл» остался доволен! И это тем более жалко, что вновь прекрасно сыграл Евгений Миронов, на уровне была и Чулпан Хаматова (первая жена Мария Дмитриевна). Режиссер отбивался от критики, повторяя, что «нет ничего худого, что публике интересуются личной жизнью писателя». В итоге Достоевский был представлен в сериале в роли стареющего зреломана, соблазняющего приличных дам. Это совсем не рефлектирующий и не рассуждающий Достоевский, который записывал в «Дневнике писателя»: «Я не хочу мыслить и жить иначе как с верой, что все 90 миллионов русских (или там сколько их тогда уродится) будут все, когда-нибудь, образованны, очеловечены и счастливы».

В году зрительскому интересу в сериале искажены многие эпизоды из жизни Достоевского. Семь часов просмотра - и «неленый перерыв» князь Мышкин был воспринят Сараскиной. Не могу не привести и слова другого достоинствиста - Игоря Волгина: «Рубикон давно переиден. Кино - хотим мы этого или нет - выкликают великие тени, фамильярно хлопает их по плечу, подмигивает в мученический венец свои варварские краски. (Вспомним хотя бы многосерийного «Сергея Есенина») Вопрос всего лишь в одном: в мере таланта и вкуса».

Ну надо, оставим кино в покое. В его экранных сколах не увидишь подлинную судьбу Достоевского, не ощутишь трепета любви, не услышишь криков страдания и воплей ужаса перед жизненной реальностью, - это все только в его книгах.

Сегодня 190 лет со дня рождения Достоевского, и свыше 150 лет он будоражит человечество, одних пугает, других вдохновляет, третьих утешает, - каждому из людей Достоевский что-то дает. Альберт Эйнштейн говорил: «Достоевский дает мне больше, чем любой ученый. Он вызывает у меня этический порыв тайкой неодолимой силы, какой возникает от истинного произведения искусства».

Писатель Марк Алданов высказывал противоположное мнение: «Ум Достоевского - кладбище, объемы пожаром, не нахожу другого сравнения». Сам Достоевский говорил: «Я - дитя века, дитя неверия и сомнения».

В XXI веке никому нельзя доверять, ибо кругом фальшь, зло и ложь. А если добро, то, приглядываясь, увидишь лишь его имитацию. Подделка под закон, под демократию, под нравственность, под любовь... И надо надеяться только на себя, доверять собственной интуиции или сердцу. А еще лучше - пойти в школу Достоевского и внимательно слушать Учителя. Он не ошибался по поводу человека, его добродетелей и пороков.

И вперед по жизни с Федором Михайловичем под ручку!.. «Кругом шиповый алый цвет./ Стояли темные аллеи...» Нет, это Достоевский, это друг Герцена Николай Огарев. Главное - темные аллеи. Фонари, разумеется, разбиты...
Юрий БЕЗЕЛЯНСКИЙ.

Помоги себе сам

человек

Без проблем и потрясений прожить невозможно. Не ваша вина, если попадете в транспортную катастрофу или экономический кризис съест все ваши накопления. К тому же мы все страдаем от потери родственников и друзей, преодолеваем болезни и несчастные случаи, получаем отказы или сокращения на работе, ощущаем нехватку денег... Все это каждый преодолевает по-своему. Некоторые опускают руки, ищут забвения в алкоголе и наркотиках, кое-кто даже опускается на дно жизни. Другие проявляют поразительное самообладание и умудряются не просто выжить, но и сделать жизнь вполне успешной. Ключ к этому - в самообладании, эмоциональной устойчивости, способности преодолевать несчастья.

Вспомните ныне подзабытого Чарльза Дикенса и его романы «Оливер Твист», «Дэвид Копперфильд», «Николас Никльби», «Крошка Доррит». Его герои, пережив невероятные унижения, оскорбления и преследования, сохраняли стойкость и оптимизм. Писатель создал образы людей, сильных духом, сумевших преодолеть ужасы унижительного существования. Литература и искусство во все времена представляли нам истории о случаях выживания и преодоления препятствий. Подобные произведения дали многим становились своего рода талисманом, учили стойкости, героизму и мужеству.

Терри Уайт, представитель архиепископа Кентерберийского, в 1987 году в Ливане был взят в заложники, когда пытался вести переговоры от лица уже захваченных заложников. В течение четырех лет его держали в одиночном заключении, он был прикован цепью к стене «МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 7 ноября 2011 года, 6-я стр.

Джилл Хэссон и Сью Хэдфилд
Преодоление
Учиться владеть собой, чтобы жить так, как вы хотите

жалей о том, что ты сделал, это может тебя деморализовать. Не жалей себя. Не будь слишком сентиментальным».

О Терри Уайте и многих других людях, как широко известных, так и почти никому не ведомых, рассказывают Джилл Хэссон и Сью Хэдфилд в книге «Преодоление» (издательство «Претекст»). Авторы дали ей подзаголовок: «Учиться владеть собой, жить так, как вы хотите».

При этом, конечно, многое значит самообладание и эмоциональная устойчивость. Они тесно связаны друг с другом. Самооценка как бы обеспечивает «топливо» для самообладания. Но ведь понятно: никто не рождается с уже заданной самооценкой. Она понижается или повышается и зависит от того, что мы пережили в жизни. Понятно, что чем успешнее человек преодолевает препятствия, тем успешнее он будет это делать в следующий раз. Многие зависят и от восприятия: если вы видите позитивный аспект трудностей, то сумеете рассматривать себя как преодолевющего обстоятельства, а не как их жертву. Да и окружение многое значит. Если вы помогаете другим, то и люди чаще всего придут к вам в трудную минуту. Авторы уверены: «Способность помогать другим - это, вероятно, один из самых сильных факторов, влияющих на рост самооценки, а группа надежных друзей, укрепляя силу духа, обеспечивает превосходную броню, необходимую для преодоления потрясений».

Авторы разделили книгу на три части. В первой они рассматривают умения преодолевать потрясения, не падая духом. Здесь собрано множество примеров из жизни самых разных людей. Здесь же приведен тест, с помощью которого можно определить, насколько вы владеете собой в той или иной ситуации. Приводятся упражнения, с по-

мощью которых читатель лучше сумеет разобраться в своем характере.

Во второй части авторы предлагают своего рода «правила преодоления», помогающие сформировать свойства, которые позволяют контролировать свое мышление и поведение. Здесь важно разобраться со своими ценностями и приоритетами, понять, что вы хотите изменить в себе, в том числе негативное мышление, которое во многом становится тормозом в жизни. Необходимо высказать и свои цели, поскольку они формируют образ будущего, без которого никакие изменения не будут успешны. Многие зависят от вашего окружения, вашего отношения к нему, от умения быть благодарным всем, кто хоть в чем-то вам помог.

В третьей части авторы рассматривают некоторые практические ситуации, как преодолеть стресс и страх? Как пережить трудности, если лишились работы? Есть небольшие секреты и в преодолении семейных трудностей и разногласий. Кому-то помогут и советы преодоления несчастий.

Конечно, невозможно придумать правила на все случаи жизни, да и каждый человек индивидуален, радость и несчастья он переживает по-своему. Однако книга поможет вам стать более уверенными, приобрести новые знания, которые помогут вам в дальнейшей. К тому же она подвигнет вас на разработку своих «правил преодоления и выживания», поможет чутко изменить свою жизнь.

Александр ЕГОРУНИН.

Наша маленькая жизнь за чужими окнами

впечатления

Книга рассказов **Марии Метлицкой «Наша маленькая жизнь»** (издательство «Эксмо») еще раз доказала, что автор - не только мастер современной прозы, но и человек, обладающий собственным нестандартным взглядом на бытие и, казалось бы, стандартные ситуации. Если в сборнике «Машинки счастья» собраны рассказы оптимистичные и в целом позитивные, то в книге «Наша маленькая жизнь» все девять рассказов говорят о несправедливости в мире человеческих отношений.

Каждая рассказанная история - аргумент против библейского изречения «Каждому по делам его». Вот мать, которая обожает туповатую и наглую дочь и не любит сына («маленький какой-то»). Несмотря на то, что именно сын, став востребованным и высокооплачиваемым специалистом, помог в трудный момент всей семье, переехав мать и сестру в Америку, обеспечив жильем и деньгами, мать по-прежнему недовольна, все так же боготворит неупутевую дочь, которая в итоге сбежала с

третьим мужем, бросив старших детей на мать...
Рассказ «Алик - прекрасный сын» - первый в сборнике, и дальше все идет по нарастающей: предательство в семье, тяжелая участь одинокой матери, отказ любимой женщины, перевернувшая жизнь мужчины, и т. п.

Поступки героини рассказа «Любовь к жизни» Томочки вообще не укладываются ни в какие

рамки человеческой морали. Цель ее предательства, из-за которого умирают один за другим бывшие с ней мужчины, объясняется ею просто: «Я так люблю жизнь и не хочу страдать». Блестящее завершение рассказа: никому не нужна кормилица старухой Томочкой, ставшая голубей, да так и умирает на лавочке, где сидела, а до самой ночи к ней никто не подходит - может, загнула... «Жизнь, наконец, ей отвела взаимность» - заключает автор повествования.

Лишь один рассказ сборника выходит за рамки общей концепции жизненной несправедливости - «Негромкие люди». Пошла супружеская пара, которую родственники недолюбливали за жадность и показную бедность, в ситуации, когда потребовались деньги для лечения больной девочки, без сомнения отдал все свои сбережения. Никто не знал до этого, что в их семье давным-давно умерла от похожей болезни единственная дочь.

Каждая история - правда, каждый рассказ - кусочек жизни. Нашей маленькой жизни. Как хочется, чтобы в ней было больше справедливости и добра.
Наталья ВАКУРОВА.

КНИГА В МОСКВЕ

Выпуск осуществлен при финансовой поддержке Департамента средств массовой информации и рекламы города Москвы. Распространяется бесплатно.

НАД НОМЕРОМ РАБОТАЛИ:
Руководитель проекта Александр Егорунин

Макет: Оксана Мерзлякина
Верстка: Алена Некрасова
Корректура: Ирина Куткина
Иллюстрации: Александр Акульшин

Телефон для связи: 8(499)259-10-15
e-mail: egorunin@mospravda.ru